

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, Черкасский
перулок, д. № 3/4. Тел. 1-89-13

Рукописи принимаются, написанные на ма-
шинке или четко от руки на одной сторо-
не листа

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
ИЗДАНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
ВСЕОБЩЕГО ДЕНЬНИКОГО КОМУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИЗ-ВО «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1927 ГОД

На 1 год — 24 ном.	3 руб. 60 коп.
• 6 мес. — 12 "	1 " 90 "
• 3 " — 6 "	1 " 30 "
• 1 " — 2 "	35 "
Отдельный №	26 "

Подписку принимает Отдел Периодических
Изданий Из-ва «Молодая Гвардия»
Москва, Новая площадь, д. № 6/8

№ 2

Я Н В А Р Ь

1927 г.

Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ

ЛЕНИН
И ТЕХНИКА

сменов этого съезда, о том, что близко уже время, когда на наших съездах будут играть особо выдающуюся роль представители прикладной техники и реалистических знаний...

Мы видим, как напряженно следил Владимир Ильич за успехами электрификации в нашей стране, какое значение придавал он самой пропаганде идеи электрификации. В разговорах со мной он неоднократно спрашивал о возможностях устройства в каждом уезде нашей страны показательной электрической станции с таким персоналом, который мог бы одновременно со своей электротехнической работой пропагандировать самую идею электрификации.

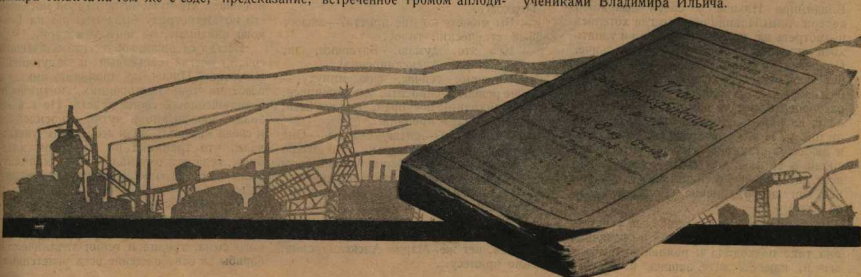
Владимир Ильич не устал расспрашивать меня о технических новинках Западной электротехники и крупной машинной техники, которые с его точки зрения являлись знаменательными провозвестниками не только технической, но и социальной революции.

Владимир Ильич принимал участие в работах по первому проекту электрификации нашего хозяйства. Вот уже прошли годы со времени его безвозвратного ухода от нас. А нам приходится все вновь и вновь обращаться к его указаниям в этой области нашего строительства, читать и перечитывать не только его печатные произведения, но и его небольшие, бесчисленные записочки, направленные по адресу различных товарищей, по самым разнообразным вопросам.

В тех затруднениях, которые нам предстоит преодолеть в чрезвычайно трудной борьбе, в стройке могучего здания социалистического хозяйства, опирающегося на гигантские возможности электрически согласованной работы колоссальных стальных гигантов, нам остается быть только верными учениками Владимира Ильича.

Владимир Ильич на VIII Съезде Советов в январе 1920 г., высоко подняв с трибуны только что розданный съезду большой том работ ГОЭЛРО, торжественно заявил, что видит в этой работе вторую программу партии.

Нельзя не признать, что это заявление было большой неожиданностью для очень многих товарищей, как неожиданно было предсказание Владимира Ильича на том же съезде, предсказание, встреченное громом аплоди-

МАТЬ ВЛАДИМИРА ИЛЬЧА

По личным воспоминаниям В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧА

I

Давно, когда мы еще были там, за границей, когда еще чуть брезжил рассвет политической жизни страны нашей, мы часто, собираясь между собой, спрашивали друг друга о матери Владимира Ильча.

Скрудны и отравлены были эти сведения, но мы знали, что она там далеко, трепетно переживает все за сына своего: ведь, один, старший, уже погиб от руки палача в горделивом и самоотверженном единоборстве с всеильным царизмом. Что должна она была думать и чувствовать, когда и этот, второй, пошел твердой поступью по стезе неуклонной борьбы с царизмом, со всеми угнетателями рода человеческого.

Там—один на один.

Здесь—класс против класса. Партия—против могущественной организации дворян, попов, чиновников и помещиков.

Изо дня в день, из года в год—все тревоги, все страдания.

И вот грянула революция 1905 года.

Владимир Ильич, конечно, один из первых приехал в Россию. Легализовался, пропал паспорт, и через два дня опять в подполье... Такова была свобода тех дней, что открыто жить Владимиру Ильичу было трудно, и он, конечно, должен был опять вскоре уехать из Петрограда.

II

Мария Александровна, мать его, опять осталась без сына, только недолго повидав Владимира Ильча—в дни октябрьских свобод 1905 года. Владимир Ильич вскоре уехал в Финляндию, а потом должен был и оттуда эмигрировать за границу.

Началось время ужасной реакции. Обозлившись чиновники охранного отделения рыскали повсюду, производя разгромы, обыски, уничтожая все остатки революционных организаций. Тюрьмы наполнились арестованными. Вагонами отправляли политических в ссылку на поселение, в каторжные работы... Разгул темных сил озверевшего царского правительства был ужасен. Вести нашу партийную работу было крайне трудно. Встречаться друг с другом было нелегко, и было нередко можно нарваться на засаду.

Хотя изредка, но всегда тянуло пойти туда, к Елизаровым, где жила и мать Владимира Ильча у своей замужней дочери Анны Ильиничны. Всегда хотелось посмотреть их, поговорить с ними и узнать хоть что-нибудь о Владимире Ильиче. Приветливая Мария Александровна пошла нас чаем, чутко прислушиваясь к нашим разговорам, и старалась нас сейчас же распрощать, нет ли каких сведений о Володе, не приехал ли кто оттуда, не было ли писем? И все с величайшим вниманием и любовью старались сказать ей все, что знали о ее любимом сыне, который для всех нас был любимейшим вождем, а для нее, для матери, конечно, «Володей» прежде всего.

Маленькая, худенькая, вся светящаяся глубокой добротой и печалью, она тихо подходила к роялю, открывала его и, как бы задумавшись и унесясь

далеко-далеко в своих думах, начинала играть, хорошо играть, печальные тихие мелодии, так гармонирующие со всей ее настроенностью.

Душу всегда надрывали мне эти звуки, плавно бежавшие из-под старческих рук

— Буду ждать...

— Ну-ну, бегу...

И я, действительно, побежал эти ранним летним утром к Марии Александровне, ясно представляя себе, как она перетревожилась за эту ночь...

Звоню...

Она сама и открывает. Еще более худеющая, постаревшая, взволнованная. Пятна яркого румянца на ее матовом лице сильно подчеркивали ее душевное волнение.

Я спешу дать ей письмо Веры Михайловны, и она дрожащими руками разрывает его и быстро читает, путаясь в неразборчивом почерке.

Я читаю ей его вновь.

Она успокаивается и задает мне ряд испытующих вопросов. Я показываю ей почтовый штемпель на конверте, и она вдруг добро-добро улыбается и ласково благодарит меня за принесенную весточку.

— А то вот я всю ночь не спала, как о Мане думала... Причудилось мне, что с ней несчастье.

И она повела меня пить чай, а я с удовольствием рассказывал ей все, что знало о Марии Ильиничне.

IV

И вот наступил час, когда не стали Марии Александровны. Она умерла на руках своих дочерей.

Хоронили ее на Волковом кладбище в Ленинграде.

Мать Владимира Ильча умерла, так и не дождавшись вновь повидаться с сыном...

В гробу она была такой же добродушной, как и в жизни. И мне крайне удивил своей легкостью ее гроб, когда нам пришлось нести его на руках до могилы из кладбищенской церкви, где по законам того времени, обязаны были ее отвезти, чтобы похоронить.

Гриваля февральская революция.

События мелькали одно за другим.

Вот, наконец, и Владимир Ильич приехал в Петроград.

Его бурно встречал революционный пролетариат, матросы и солдаты.

Прошел первый вечер и первая ночевка, митинги, речи, призывы, клятвы, воспоминания.

И вот наступил первый день свободного пребывания Владимира Ильча в Петрограде.

Он позвонил мне прислать автомобиль, и я знаю, что чуть ли не первой поездкой его по Петрограду была поездка на Волково кладбище, на могилу матери.

Всегда сдержанный, всегда владевший собой, всегда серьезный и задумчивый Владимир Ильич не проявлял никогда, особенно при посторонних, интимности и задумчивости своих чувств. Но все мы знали, как нежно и чутко относился он к своей матери и, зная это, очень чувствовали, что тропинка на Волковом кладбище, туда, к этому маленькому холмику, была одной из тяжелых дорог Владимира Ильча.

Его нет уж среди нас. Нет и его матери. Но мы будем чтить и его страдальчески, давшую всему человечеству великого сына, творца и гения титанической борьбы за освобождение всех угнетенных.

Мария Александровна Ульянова—
мать В. И. Ленина.

бледной, истрадавшей Марии Александровны. Мои души всегда в это время уносили меня к злым и суровым восьмидесяти годам, в казематы Петропавловки, где погиб от руки палача тот, память о котором, как мне казалось, извергала из сердца матери эти печальные, трогательные песни, песни рояля.

Мать одной из самых революционных семей, она, страдая и мучаясь муками любящей матери, гордилась своими детьми, среди которых возрос, возмужал и развился Владимир Ильич.

III

Наступили годы империалистической войны. Бурная жизнь кипела и уносила людей в безвестные дали. Коснулась она и семьи Марии Александровны.

Рано утром слышу телефонный звонок. Несомненно, что-то тревожное.

Подхожу.

— Вы можете ко мне притти?—слышу слабый старческий голос.

— Кто это, думаю.—Батюшки, да, ведь, это Мария Александровна!

— Конечно, сейчас, сию минуту,—а сам не решаюсь спросить, что случилось.

— Приходите поскорей, пожалуйста, поскорей!.. Маня пропала!..

— Да что вы?—спешу сказать.—Она жива-живехонька, я только что вчера получил письмо от Веры Михайловны (моей жены)—она ее встретила на фронте...

— Не может быть?—слышу радостный всплеск повеселевшего голоса.

— Верно...

— А вы меня не обманываете?

— Да, нет же, Мария Александровна, письмо принесу...

ЗВЕЗДНЫЙ ПРОБЕГ

Повесть Н. БОГДАНОВА. Рисунки К. КУЗНЕЦОВА.

Городок, осажденный бандами и отрезанный от всего мира. Тесная семья комсомольцев. Вечера в „берлогах“—утопительные и фантастические расказы. Сашка Забавин—душа этой жизни. Но нужно пробиться и создать связь с центром. Забавин рискует пройти леса и восстановить деревню. Отрубленная голова, взлетающая на шпатель—помощь предприятия. Комсомолец Павел идет подвиги. Он пытается сделать новую попытку одолеть на лыжах лес. Он идет по ветвям. Стирает леса. Лесник, стреляющий замерзающего туника. Свинья, совревшаяся верев. Злая деревня и ее преследования. Одно за другим происходят эпизоды и многие другие напряженные и увлекательные приключения. Словом все предприятия Павел выполняет задачи, но тут он встречается с необыкновенной девушкой. Новые переживания и новые события, о которых читатели прочтут в следующих номерах.

1. ЗАКОВАННЫЙ ГОРОДОК

Стоит городок на крутом берегу реки. Тихий и грустный, совсем замирает он зимой, занесенный снегами, отрезанный от мира. Жизнь его: соловьи, малиновый чай, колокольные перезвоны.

Стоит он много веков, обнесенный замшелыми валами, и так и не вышел из них, не закатил неба фабричным дымом, не замутил зеленой воды своей речонки пародокным мазутом.

Лишь совсем недавно, перед войной, купец, Корней Запеканов, срубил огромные трехъярусные амбары, загородившие три святых города: каланчу, собор и острог. Целая стая коньков и петухов, вырезанных рукой хозяина, красовалась на его крышах, медленно повертываясь по ветру. В эти амбары сыпал он зимой хлеб, овес, явное семя, собирал пеньку и мочало, а по весне бесчисленные вереницы лодкачей гнали вверх по тихой реке свои плоскодонки, груженные его товаром, гнали до самой чутунки—за двести верст, упираясь предлинными шестами в неровное дно.

И теперь амбары затяжелели на зиму хлебом, собранным потом и кровью по тощей мужичьей округе. Придет весна и по той же реке погонят его сутулые лодкачи до железки, а там на Москву, где разделит его по армиям и заводам, и лишние капли крови вольются в изнемогающее тело Республики. Собрав этот хлеб с мужиков, загрузив огромные амбары, чейка коммунистов дала радостную телеграмму в центр и поклялась доставить его весной. Обещали лодкачи

всей артелью секретарю партии, Луке Кладову, бывшему лихому лодкачу, погнать этот хлеб по реке, если пойдет он, по старой памяти, передовым. Взятся Лука вести передовую плоскодонку и осталось только подождать весны.

Но когда завалили городок сугробы, когда стали пробегать по улицам волки и взяла городского мещанина сонная одурь, вся округа вдруг взбунтовалась, и озлобленные мужики пришли за своим хлебом, вооруженные не вилами и топорами, а винтовками.

Пришли и осадили городок. Они попытались взять его с налету, но защитники подняли такую стрельбу и шум, что здорово их напугали. Опешившие мужики отступили и решили брать городок постепенно. Они заполнили все окрестные села, оцепили все пути-дороги и каждую ночь тревожили городок с разных сторон. Иногда они вырывались в окрестности, занимали целые улицы и выгоняли их оттуда приходилось, укладывая на холодный снег новых и новых товарищей. Силы коммунистов таяли, все угрюмее становилась сотня молчаливого гарнизона.

Зима крепчала. Мятели сменялись морозами, звездные ночи—белым днем, волки стали ходить стаями. Осаждающие подошли совсем близко, заняли кладбище, бойни за городом и стоявшие на отлете кирпичные сараи. Крепконогий и краястый Лука Кладов ходил и тосковал на закованную льдом реку, посылая не одно словечко врагу, с которым не выйти стенка на стенку, как, бывало—лодкачи на грузчиков.

И стоял городок, скованный снегами и осадой. Потрескивали бревча домишек и амбаров от мороза, потрескивал чла стрельба днем и ночью. Месяц приходил из Брынских лесов, месяц косоротый и равнодушный. Лес кругом молчал, осыпанный снегами. Снега падали, то узорно, и тихо, то устраивали вокруг горька свои свистопляски.

2. БЕРЛОГА

Уком партии и уком комсомола помещались в старинном дворняком особняке. Особняк стоял в тихом переулке, за соборной площадью. Обнесенный высокой стеной с железной решеткой, он был удобен для обороны и, в случае взятия городка, думали в нем отсиidься. Знание было вместительное, с кладовыми, конюшнями, службами. Под всем зданием проходили огромные, неизмеренные подвалы.

Сколько сказок ходило в городке про эти таинственные подвалы! Говорили, что есть в этих подвалах скрытый и забытый подземный ход под самую реку на тот берег и закрыт этот вход одним из огромных камней, наваленных у носового бора. А под подвалами еще глубже есть темницы, в которых сидят на цепях скелеты замурованных людей. Была свежая история, что будто последний владелец особняка, ярый монархист и зурб, Данила Бакулин, замуровал там зурб старшую дочь-революционерку. Он оставил ей питья и пиши на несколько лет, и сейчас, быть может, она еще жива, и не звание ветра, а ее крики слышались иногда в воз-

ник. С неподражаемым мастерством все эти рассказы передавались Сашкой Забавиным, секретарем укомла, у горящего камина в длинные зимние вечера.

Замечательную комнату с камином ребята с самого начала захватили себе. Они ставили в нее со всего особняка несколько диванов, медвежьих и оленьих шкур, в одном углу устроили рояль, на котором, случалось, и спали, а по другим углам наставили медведей и венер, которых использовали для сушки портянок, и все это называли комсомольским логовом или по-просту—берлогой. Сколько любви и юта заключалось в этом небольшом слове!

Каждый вечер—зажигались ли звезды и отсвечивали на морозных узорах окон, мятежь ли повизгивала и пушистыми лапами скреблась в окно,—загорался обемистый камин и, почуя издалека его дымок с запахами сосновых веток и картошки, спешили ребята в берлогу. С таким сладким замиранием сердца, намершишь в снежных ямах на подступах к городку, надражавшись где-нибудь на часах, снимали ребята валенки у дверей берлоги, чтобы пробраться босяком по мягким звериным шкурам поближе к огню, прикнуться незаметно и тихо и, жуя пропеченную картошку, слушать рассказы Сашки Забавина, чтение книг, игру на рояле.

Тут же дулись ребята в шапки, лупили друг друга по носам в три листика, а иные сладко похрапывали под шум споров, разговоров о политике, религии, происхождении человека и мироздании.

Сторожом берлоги, ее берлогичем был Павел, он наводил в ней порядок, с любовью расстанавливал в смешных сочетаниях венер и медведей, каждый раз добывал дров, разводил камин и напекал на всех замечательной картошки. Так и прозвали его завберлогой, берлогичем, благо был он велик ростом и неуклюж. Если Павел был хозяином берлоги, то сердце и ум берлоги представляли из себя единственную девушка-комсомолка—Надя, и сам Сашка Забавин.

Из партийцев любил забираться в берлогу старик Сучков, отец Нади, бывший в тюрьмах и ссылках, весь—живая история партии. Да и Лука Кладов не прочь был полежать в одном из уголков берлоги, выкурить трубочку в тепле и уюте.

3. КУДЕСНИК И РУСАЛКА

Сашка Забавин был широкоплеч и размашист. На голове черные, прямые волосы. Было бы жестко его строгое продолговатое лицо, если бы не носульки, скovskyнутый в детстве на горе. Он придавал всему лицу свойский, добродушный вид. И всегда соединялись в Сашке и серьезность и шутка. Когда входил он в берлогу, все оживало и настораживалось. Сашка фукал по пути лампу, рычал вдруг каким-то зверем и, создав настроение, садился на самый широкий диван у камина. Всегда вместе с ним входила и усаживалась рядышком Надя. Она поджимала под себя ноги и слушала внимательно, большими глазами вглядываясь то в Сашку, то во всех.

Сашка начинал издалека. Он начинал с того, как кто-то вчера, когда проходил он по нижнему коридору, схватил его за шею и не отцеплялся до тех пор, пока не выволоч его Сашка на свет. Таинственный незнакомец юркнул в подвал, а у Сашки на шею царापина...

— Кто это мог быть? Говорят, у Динилы Бакулина был какой-то страшный сын... Сашка повторял все жуткие рассказы о прошлом этого дома, ходила в истории с замурованной революционеркой; глаза слушателей расширялись, а вот уже ребята, сами того не замечая, жадно глотают чудесную повесть о Спане Халтурине.

— И огонь камина, извиваясь и свистаясь, чарует их глаза, и видят они в чудовищном пламени царские поклоны, меркание придворных и отгненную тень буртара, готовящего страшный взрыв...

А Сашка говорит и говорит, сам рачувенный, творит он легенды из старинных известных легенд. И проходит перед ребятами разные картины борьбы. В жарке головней слышится выстрелы, в жарке свежее загораное полено—стны угнетенных, в предсмертной песенке повешенного сучка—одинокая марсельеза революционера перед повешением... И кучи углей рассыпаются в Камине, рыхают тюрьмы и троны.

Когда Сашка уставал и кончал свои рассказы, Надя садилась за рояль. Она играла и пела взволнованно и хорошо. Потом она брала книгу и, после замечательных былей Сашки, с охотой читала действительность, и «Азбука коммунизма» казалась продолжением одной захватывающей легенды. Надя читала как-то особенно, каждое мудрое слово делалось понятным, напитанным теплотой и башким сердцу.

Сашку за рассказы его прозвали Кудесником, а Надию, за ее зеленые глаза и песни, прозвали Русалкой.

Замечательные вечера берлогича, и забываемые вечера!

Чувства обреченности и отрезанности от мира не было и в помине. Без глас без вестей отовсюду, чутьем чудилось то быение революции, у коллектива рождалась вера в победу, все ходило на поенные этой верой, и горячий задор комсомольцев бодрил всех остальных.

А все—замечательная теплота берлоги, песни Русалки и чары Кудесника.

Любили ребята Сашку; в сумраке укомовских коридоров, в теплых углах берлоги, кто не делился с ним своим горем и радостью, не советовался о своих личных делах, не признавался в грехе больших и малых! И он умел отвечать, умел успокаивать, направлять по верному дороге.

Сидел Павел у камина, подкидывая дрова, напекал картошки и раздумывал: «чем создается такой авторитет у людей? Ведь может и он кое-что побольше простоя камина?» Павел перебирал в голове занятные истории и находил их больше, чем у Сашки, вспоминал прочитанные книги и чуял знания в себе не меньше. «Надо попробовать!» Распалывал камин, он начинал иногда рассказывать «на пробу», наедине с собою делая перед зеркалом таинственное лицо. Получалось не плохо. Это вошло у него в привычку, и каждый раз здоровеннейший парень садился и коротко и загораноего камина, копал себя по коленкам, произносил обаяние.

— Ну-с, начнем... и огонь выслушал не один десяток его рассказов.

4. КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ

Ребята считали Павла чудаком. Но под угля мешком—называют таких людей.

Прямо напропихи застави... увидели глаза его необыкновенный предмет...

дульных вентиляций подвалов. Много еще рассказывали про таинственный особ-

Никогда никто не говорил с ним всерьез, зато Павел был громозвондом веселости всей ячейки. Какие только шутки не подшучивались над ним, какие подковырки не сыпались на его голову! Иногда его доводили до красного каления, и тогда он вскакивал, неподвижное, вялое лицо его оживало, приходило в движение, грудь начинала вздыматься, он взмахивал ручищей, и, казалось, сейчас разразится трем. Но вдруг краски с лица его убежали, глаза гускнели, он виновато улыбался и садился, не сказав ни слова. Пресыщающийся великан снова становился большим младенцем.

Самое ступление Павла в комсомол было забавно для всех.

Сидели ребята в уюте, мирно разговаривали. Вдруг является нескладный, здоровенный парень, весь какой-то взлохмаченный и не может выговорить слова. Он долго мнется у стола секретаря. Вдруг рука его стремительно лезет за пазуху, Сашка Забавин отскакивает в сторону, а парень выхватывает и бросает что-то на стол.

— Все тут ясно... и я хочу с вами!

Это что-то оказалось «Азбукой коммунизма» и программой РКСМ. Такое явление всем понравилось, и стал Павел комсомольцем и ячейковым забавником. Чувили над ним ребята, избрав его жертвой своей потребности над кем-то смеяться. Это убивало в Павле всю энергию, он становился еще чудней и нерешительнее.

Есть такие козлы отпущения повсюду, не замечая своей роли, они самодовольны и веселы. А Павел все понимал, все

больно чувствовал и зародился в нем мечта быть не шутком, а вожаком коллектива. Эта идея жила в нем невидимо для других. Никто и не думал из ребят, что сидит человек, печет картошку, растапливает камин и думает быть их вождем. «Тонкое это дело сделаться вождем!»

И решил после многих неудач Павел, что нужно из ряда вен выходящее действие. Нужен подвиг.

Но пока что случая для подвига не было, время шло и в зиму этого года прибывал он попрежнему чудакom и шутком ячейки.

3. ЗАКАТ БЕРЛОГИ

Перед самым Рождеством счастливая жизнь комсомольского логова вдруг нарушилась. Сперва заболела Надя. Была она, как цветок, выросший на тюремном дворе, необыкновенно тонкий и яркий. Ее румянец принимали ребята за здоровье и любовались им. Необыкновенный блеск ее зеленых глаз заставлял загораться все глаза. Только когда она заболела, и врач сказал—скоротечная, все поняли и румянец и необыкновенные глаза. Каждый день ее мучила лихорадка. Красивая девушка превратилась в скелет, и как-то скоро ее похоронили вместе с несколькими убитыми в беспокойную мятежную ночь. Сашка, исхудавший и осунувшийся за время ее болезни, резко переменялся. Он не мог уже рассказывать по вечерам, не мог сидеть на одном месте; целые дни он, мрачный, валялся в углу берлоги, а ночами где-то бродил.

Его видели самые крайние посты, с ним закуривали часовые в секретях.

С Сашкой творилось неладное.

А в отсутствии логове стали разговоры о том, что может быть и революция? кончилась, может в Москве давно белые, может, вся Россия... а мы тут зря... Жизни в берлоге не стало, ребята приходили только пожрать картошки, мрачно дулись в шапки или отсыпались по углам.

В один из вечеров Павел, кроме обыкновенной картошки, достал сушеных яблок к чаю, по-новому расставил вены и медведей, притащил еще один ковер и, когда собралась вся братва, сделал отчаянную атаку:

— Братцы, ведь пропадет берлога, что же это, а?! Неужели из-за Сашки Забавина все замрет? Липовый он большевик, если из-за личной привязанности затирает общее дело! Неужели замрет берлога? Невозможно! Верно я говорю?

Кое-кто поддакнул. И ободренный Павел возликовал.

— Вот это да, уж если на то пошло, расскажу я такие дела, что Сашке и не придумать, что нам Сашка, а на ролях нам сыграть курьер наш, он, ведь, старый чорт, учителем музыки был у запескановских дочек... Садись в круг, братва! Ну-с, начинаю!

— Ты разлей-ка сперва чаю, да яблоков дай,—напомнил кто-то про общацное. А когда Павел исполнил, ребята хлоппали его по плечу и сказали:

— Не рыпайся Паша... не в этом счастье.

... от первой пирамидки отделилась неуклюжая фигура и равношисто пошла к диковинной елке...

— Братцы да, ведь как же?!—но ребята не слушали его, занялись чаем с яблоками, шамками, или просто насистиванием вск про себа.

Жизнь в берлоге распадалась.

Осажденным приходилось все туже, мужики больше и больше смелели: вот-вот их масса бросятся на обнесенный городок. Красноармейцы гарнизона потребовали от Луки Кладова приказа из центра хотя бы по газете о защите городка и хлеба.

«А то может давно и воевать будя, может большевики от всего отказались и кругом замирење?»

Услышав это требование, Сашка Забавин оживился и взялся пройти из городка под видом деревенского парня. Нужна только хорошая ямтель, чтобы пробраться в ближайшую деревню, а там он сойдет за своего.

На его счастье над городком две ночи висели неподвижные, разорванные клочья облаков и непрерывно сыпался снег крупной и редкой, шелестя, как нарезанный из бумаги. На третью ночь закружила ямтель, подняла весь насыпанный снег, и стало не видать ни зги. В эту ямтель ушел Сашка Забавин, ушел, одевшись в какую-то овчинную кашанежку, надвинув маляхаха на глаза. Ямтель вленила ему в лицо горсть снега, он мотнул головой, обернулся, помахал на прощанье рукой и пропал.

6. ВЕШКА ПРИ ДОРОГЕ

В окопе у северной заставы городка сидело восемь человек. Четверо были красноармейцы из гарнизона, трое комсомольцев и партиз Дунин—серьезный и молчаливый, из семейных.

В снежной яме сидеть было холодно и скучно. Павел сидел в углу ямы и ежилась, не зная, куда бы потелее записать свои длинные руки, вылезающие чуть не на поларшина из коротких рукавов. Он сидел и обдумывал, с какой еще стороны атаковать ему ребят, чтобы начать делаться вождем.

Красноармейцы обратили внимание на его нескладную фигуру и задумали позавлещься.

— Эй,—сказал крайний губастый парень,—эй, мальчик, шуба-то тебе мала, чью это ты напялил?

—Тяткину,—пропалцал с другого края чернявый и востроглазый. Все засмеялись, улыбнулись даже Дунин. Павел не знал, как ему на это ответить.

— А зачем ты в комсомол-то прибер?—спросил опять зубоскал. Павел хотел было ответить, но востроглазый перебил его.

— Мамка дома бьет, вот и прибер!

Тут все захохотали, а Павла бросило в краску.

Закусив губы, Павел уткнулся в дальний угол ямы.

— Не плачь, мальчик, до свадьбы заживет.

Павел не выдержал, вскочил, лицо его вспыхнуло, он попытался выругаться, но ругательство получилось неумелое и бесцельное. В отчаянии он выскочил из окопа и побежал.

— Стой, стой, куда ты?!—растерялись ребята, не ожидавшие такого конца, но Павел уж очутился и встал, прислонившись к каменной пирамидке заставы, не зная что ему делать: лезть в окопы—неудобно, уйти—тоже нехорошо... он стоял и раздумывал.

В это время у тумана, затопившего с утра, как белое молоко, всю окрестность, вдруг запламен край. Туман стал редеть, рассеиваться, и вот на сугробы выкатилось яркое желтое солнце. И сразу заискрились гроздьи сербистого иinea на деревьях и каризах, запламенили окна домов, а волнистые сугробы заиграли радугами... И все стали добродушнее, шурясь неожиданному солнышку. Павел забыл свою обиду и улыбался.

Вдур его глаза остановились. Прямо напротив заставы, на занесенной дороге увидели глаза его необыкновенный предмет: на высоком шесте, как соломенная тычка при дороге, диковинной вешкой торчала отрезанная голова. Волосы ее занивелили и торчали в разные стороны, как замерзшие соломинки, но лицо было чистое и нос-кутыр, и признал он в нем Сашку Забавина.

Сидящие в окопе привстали, не веря своим глазам, но только они высунулись из ямы, как от кладбища затрещала стрельба. Подчасок побегал в уком и скоро явился сам Лука Кладов. Он встал за вторую пирамидку заставы, и покуривая посматривал на голову неудачного вестника. Хмурился Кладов, покуривал и молчал. Сидящие в окопе волновались, они рвались из ямы, добежать, быть перебитыми, но сорвать эту жуткую вешку, от которой не могут оторваться глаза. Они метались по снежной яме, готовые выскочить или броситься к этой вешке или убежать совсем.

— Зря не соваться,—сказал Кладов,—не маленьки! Сам же тискал руки в карманах и волнение его выдавал подергивающийся левый глаз.

А день стоял тихий, спокойные сугробы, облекшие городок со всех сторон, излучали мягкое сияние, и притихшие воробьи грелись на редком солнце. В этой тишине было слышно, как от малейшего ветра перезавывались заледневшие прутики деревьев. Сашкины черные волосы, щедро осыпанные иinea, казались, тоже шелестели и перезавывали неуловимо.

Кладов все стоял и прислушивался, вдур рука его сделала решительный жест, он дернулся вперед, и в то же время, опередив его, от первой пирамидки отделился неуклюжая фигура и размахисто по крепкому снегу пошла прямо к диковинной вешке...

Пока мужики опомнились, Павел выдернул шест, и кубарем скатился в окоп.

7. НАКАНУНЕ

Павел явился в уком с гордо поднятой головой, неся как талисман свой подвиг, но увь, осветить им было некого, в укоме и берлоге была пуста. Чорт возьми! Пришлось заняться растопкой камня.

Дело спорилось плохо, лучины стреляли в нос, Павел обжигался, хватался за решетки камня, за лицо. Наконец, огонь вспыхнул ярко, и давно погасшее око берлоги запламенело вновь. Увидев замечательный этот свет, поучув дымок с запахом жареной картошки, ребята вспомнили милые вечера берложки и потянулись со всех сторон.

Павел слышит их шаги. Павел готовится стать вождем. Павел из'ершил волосы. Угасшая берлога накануне возрождения! Шаги ближе. Вошли первые двое, Павел встретил их, серьезный и таинственный, а они ухмыляются,

— Ну и вид у тебя, Павел... жуткой

— Прямо, как охотник за головами.
«Опять не успел. Надо было переложить заговорить»,—стиснул зубы Павел, а у двери вкатилась новая толпа и на Павла раскатился забойистый смех. Павел побледел и глаза его поблелили, показало ему подвиг его не подвигом, а ставным делом, он махнул рукой и, чтобы скрыть свое смущение, бросился подобрать стравнувший из камня уголек.

— Року-то вытри, чорт... року-то сей испачкал. Вот чудило отгородив-тышкали его ребята и поворачивали к в-потешему стеному зеркалу.

Скоро смех в берлоге утих, ребята тесно расселись у подыхающего камня, позадумались и переговаривались тихо и однослодно.

— Сашка-то, а?

— Чуют силу, надсмехаются.

— До нас дорвутся, тоже освеежи.

— Отдать им его этот хлеб, пра, ну его совсем...

Сидели ребята, и каждый раздумывал, как теперь быть. Зантра и послезатра будут дни беспрестанные, полные ожидания смерти, а ради чего? Может сбергут они этот хлеб, а он окажется никому неужен. И закрадывались мысли отать мужикам хлеб, уйти по дома на покой в тепло, и жить, как и все...

Сидели ребята, потрескивал камень и освещал их опущенные головы, венер и меевед, стоявших растерянно кругом.

— Вдь не верится, главное, есь ли что там, бьется ли кто? Кабы зная, кабы узнать, тогда не сдадимся, погоди!

Павел сидел у камня и слушал, и сомнения ребят вставали перед ним непроходимым лесом, из которого не выбраться. И вспоминалось ему, как мальчишкой глядел он с горы на леса, со всех сторон опустившие городок, и задумывал пройти, пробраться со своим ружьишкой сквозь эти леса, уйти от своей безыщной жизни в новую диковинную жизнь, оторженную лесами. Частенько бродил он в лыжах, подходил к самому лесу, но шть все-таки не решался. Почему бы не решиться теперь?

— Ребята,—встал Павел от камня,—ребята, хоть за кого-то вы меня считаете, но зря вы, вот что скажу: дайте мне поручение, пошлите от всей ячейки, от всей берлоги и пройду я леса на лыжах! Скоро пройду, по звездам пойду! Только вы меня пошлите всей берлогой, чтобы сила моя больше было, чтобы не отступился я... ребята!...—он остановился и оглядел всех, он боялся увидеть недоверчивые улыбки и услышать недоверчивый смех. Но в подывших лицах было напряжение, и глаза ребят смотрели на него как-то пристально, широко, по-особенному...

Поглядел Павел в эти глаза и сказал просто и радостно:

— Значит иду я, а какой я ходок, вы знаете, силы-то у меня во, не выдам! И скоро всей толпой повалили берложники к Луке Кладову, таща своего нового вестника.

Лука Кладов покачал головой:

— На лыжах это хорошо с горки скатиться, а двести верст лесом не бериса, запутаешься, зря загубишься.

— Дойду я по звездам, Кладов, хощ ты и не веришь, а дойду.

— Дойдет,—хором гудели берложники.

— Что ж,—сказал Кладов,—вольному воля.

(Продолжение следует)

ГОРЯЧИЙ ПАРЕНЬ

ИЗ РОМАНА Л. НИКУЛИНА «АДЪЮТАНТЫ ГОСПОДА БОГА». Рис. Н. СОКОЛОВА

Эпоха последнего царствования отражена в романе Л. Никуллина «Адъютанты господ бога».¹ В печатаемом отрывке рассказана судьба рабочего парня, близкого большевиками полюблю и связанного с охранкой. «Горячий парень», не удовлетворившись буднями посылки, безрассудно, на свой риск приключается провокатором, надеясь заполучить важные для организации сведения, но, сделав один шаг, он попадает в лапы свентиской полиции и становится жертвой своей ошибки и фантазии.

1. Новый Лесснер

Со стороны Москвы, со стороны Смоленска или Двинска, как ни подвезай, Питер дает себе знать фабричным гудом дамом.

На равнине вокруг города гнидадим разбросались высские, дамские фабричные трубы. Городской центр жметса к Неве и Мойке, а вдалеке, на равнине разбросались фабричные районы—Нарвская застава, Выборгская сторона, Коломенский район, Невская застава.

Как ни велика Россия, а вышло так, что повсюду настроенный Петром на гинлом болоте, у Маркониной Луки город стинуул к себе и сотни тысяч рабочих и стал первым промышленным центром страны. Кто не слышал о гитанте-Путиловце, о снарядном заводе Парвашиене, об Эриксоне и Новом Лесснере!

В сентябре 1915 года в заводских дворах и в мастерских открыто собралась тысяча рабочих. Собирались не в обещанной короткой пиреив и не на летучую сходку. Собирались не поном у выхода, а открыто, в назначенный час в мастерской.

Никто не делал «пробий» у выхода.

Никто не звонил из заводской конторы в полицейский участок.

Полиция не пускала в хол седели. Рабочие не хваталась за гайки и камни.

— Крсагал,—сказал, разводя руками, чернорабочий токарь в помитом куртке.

И следом за ним, работая локтями, пробирался худощавый, русский парень.

Он торпливо продвигался к оратору. Удивительно было и то, что оратор говорил открыто, не прикрывая, как бывало на летучих сходках, лицо картузом.

Он стоял над тысячеголовой толпой рабочих механических мастерских. Его речь была рядом шпором, которые он задал себе, и сам же отсал на них поучительным и назидательным тоном:

— Должны ли мы итти в военно-промышленный комитет? Да, товарищи, в такой момент мы должны итти в военно-промышленный комитет. Для чего мы пойдем с Гучковым и Коноловым и Рябушинскими? Для того, чтобы сбросить черный блок. Что же мы должны делать? Мы должны выбрать достойных людей и этим путем борьтса за раскрепление страны.

Этого оратора сменил чернорабочий токарь в помит-й фуражке. Он глядел с высьоты на огромные, похожие на загон мастерские, синил фуражку, сжал ее в кулаке и, хитро подмигивая, заговорил:

— Стало быть, надо итти об руку с Гучковым! Стало быть, Гучков пойдет с нами

против нынешних господ Столыпиных! Тот самый Гучков, который вместе с покойником Столыпиным велел наших товарищей!

Огромный загон загудел от тысячи одобрителных возгласов. Толпа бурно всколыхнулась и теснелась у возвышения, где стоял чернорабочий токарь.

— Где наши товарищи? Где товарищи с Феникса и других заводов? Их послали в тюрьму те же господа Гучковы и Рябушинские. А теперь нас зовут выбирать уполномоченных. Давно ли с вами говорили по-другому...

Русый худощавый парень, отгиснутый толпой, с тревогой и радостью смотрел на чернорабочего токаря. А токарь уже читал по бумажке резолюцию:

— Мы, рабочие завода Новый Лесснер,—отрывисто и звонко выкрикивал он каждое слово,—обсудил вопрос об участии в военно-промышленном комитете и о выборе уполномоченных в заводские комитеты, постановили...

Удивительная тишина была в мастерских. Приложив козырьком руку к уху, наяривно вслушивались те, которые стояли вдали у выхода. Настороженно и внимательно слушали счастливицы, которым удалось протиснуться в ряд.

Пролетариат не заинтересован в происходящей войне.

...Одновременно с объявлением войны центральным имперским командующим классы объявили беспощадную войну всему трудящемуся классу.

...Они задушили рабочих и профессиональные союзы...

...Профессиональные союзы...—тысячестным шопотом повторялись вокруг слова.

Чернорабочий токарь перевернул листок. Он читал заключительные фразы.

Напрягая голос, оглядывая тысячу сбившихся людей, тысячу голов в картузах, в ушах палках, финках, он выкрикнул:

— Кто за резолюцию?

И руки, грубые, сильные руки с неотмывающейся копотью на искривленных пальцах, тысячи рук, как тростник под ветром, взметнулись кверху.

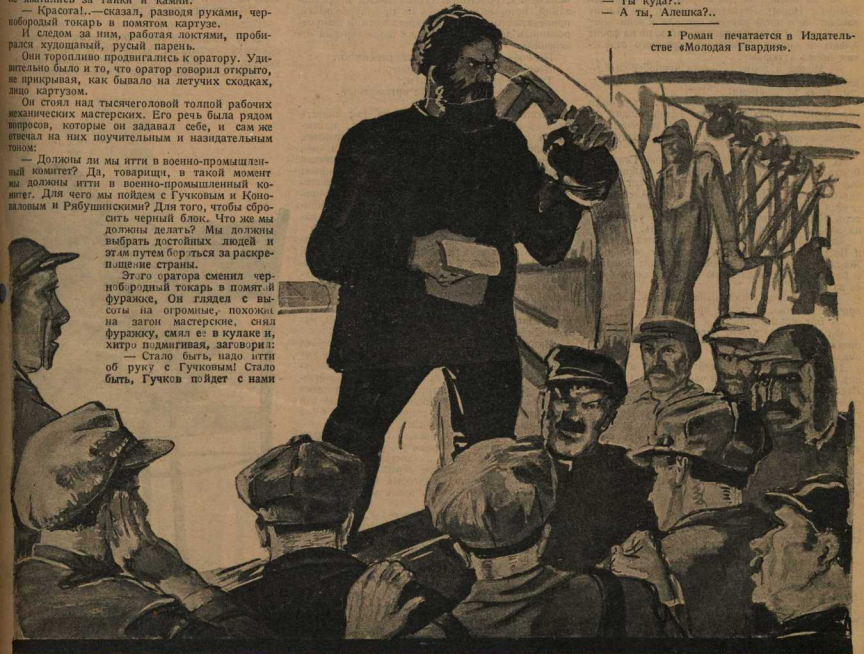
Чернорабочий умолил, удовлетворенно усмехнулся и спрыгнул вниз.

Осенний ветер трепал наклеенные на дверях ключи инструкции по выборам и воззвания центрального военно-промышленного комитета. Чернорабочего остановил его случник—русый, худощавый парень.

— Ты куда?..

— А ты, Алешка?..

¹ Роман печатается в Издательстве «Молодая Гвардия».

Он стоял над тысячеголовой толпой рабочих механических мастерских...

Худой парень зямаяся, и чернобордый токар, усмехнувшись.

— Ладно, ладно. Клянися. Что видел—расказ. Пусть порадуется.

И он пропал, в толпе, в мощном человеческом развале, в стиснутых между заводскими корпусами дворах.

2. А л е ш а

Фамилия Алеши по паспорту была Зелено. О нем знали, что он сибиряк, учился грамоте и наукам у сельчаных и ездил на неширок приехал в Питер. Пришел учиться в университет, но поступил на завод Эриксона. Из Сибири в Питер, в организацию, дали знать, что Алеша надежд, но по молодости лет горький парень. С первых дней сдружился он с Катей Иртышевой. Однажды был у нее. Вышло очень странно.

Пришел вечером, усталый и захмывавшийся. Надо было зайти по одному делу на Васильевский, но попал в уездно шпиков. Кружил и путал шпик и пришел на Дворцовую площадь и на Мойку. Тут удалось вымучить в ворота мимо завешанного сторожа. И случилось так, что Катя прятала у себя до позднего вечера, почти до полуночи, Алешу Зелено. Отец Катя притяк к позним гостям дочери и ушел к себе. Чуть-чуть пил, заснул, и Катя Зелено. За это время успели поговорить о войне, о пениях, о звездах, о деревенской и городской жизни и всех близким товарищам.

В двенадцатом часу Катя вышла за ворота будто опустить в ящик письмо.

— На улице и на площадях—редкие прохожие, тишина, не похоже на то, чтобы была за Алешей слежка. Тогда Катя вывела Алешу на улицу. Простился и сказал, что зайдет, если будет в этих краях.

Знакомый сторож стоял у ворот и легкою на шаг вывел Алешу. Катя в бок: «Вашиня! А солдат где?» Катя увернулась, показала язык и убежала.

Алеша пропал на три месяца. Чернобордый токар с Нового Леснера говорил, что Алешу распустили и после расчета послали к воинскому начальнику. Но ни в запасную часть, ни на фронт Алеша не попал. Прямо из охранного отделения попал в тюрьму.

— Молод и горяч,—сказал чернобордый,—учил парня, учил... Как с гуся вода. Распустил язык не во время.

Густь и жесткость вала девушку. Жаль было парня, но как раз в эти дни Титов уходил на фронт. Рослый, румяный солдат вытеснил из сердца худощавого, русого парня Алешу Зелено.

К осени опять объявился Алеша. Говорят, бежал. Пришел прямо к воротам фабрики и вывел Катю из толпы работниц. В тот вечер догубил гуляки в Ботаническом саду. Алеша погрел лицом, отпустил бородку. Знали его теперь Карпов, и под такой фамилией устроился на завод, где работал черный токар.

Вечер был теплый, чуть сароватый. Пахло в Ботаническом горькими опавшими листьями. Жарко и как-то путанно говорил Алеша Зелено и более всего удивил Катю тем, что часто брал ее за руки.

— В тюрьме стихи начал писать. Хотите прочесть? Сядьте, хотите прочесть?

— Вот красная-девица.

Он прочитал, что-то непонятное *ф* снежной принцессе. Непонятно, но складно. Принцесса оказалась Катя.

И с тех пор стал прибегать к Кате в праздник и в каждый свободный час. Катя на Новом Леснере проводила большею часть резолюции, прибегал к Кате на фабрику и долго и горячо говорил, что вот придет день и все узнают Алешу. И жаловался на то, как трудно подняться наружу. Ему бы не резолюция, а... ну, сама знаешь.

Опять пропал на месяц, и Катя уже подумывала о том, не случилось ли новой беды. Спросила в районе у Оли Русецкой. Та усмехнулась:

— Цел. Дельный парень.

Прошел пошел шестидесятый год. Одним ранним утром, чуть на рассвете, в замешанном снегом дворе вдруг окликнула Катю.

В романском полубудке на распушку, с шапкой на затылке стоял Алеша.

— Катя! Где поговорить?

Старик еще не встал. Они вошли в сеня. Заговорил, прудущенным, срывающимся голосом:

— Вот батрачки тут. Стихи, Дневник. Возьми спрячь. Мало ли что...

— А что?

— Дело. Важное дело.

Алеша стоял у дверей, мая в руках барашковую шапку и с горящими глазами шептал:

— Ничего! Еще узнают. Еще поймут, кто Алеша. Жизнь отдам!

— Ну, что же сказала Катя,—дело—делом. Что за суета такая? Все делают, что могут.

Алеша замолчал. Надел шапку и тихо сказал:

— Натрета такая. Притом...—махнул рукой,—ну, ладно! Не поминй лицом! Тетрадки мои тебе. Возьми. Вот тут я.

Взял за руки Катю и сказал:

— Ну, прощай.

Хлопнула в сенях дверь, пахнула морозом и снегом в лицо Катю. И пропал Алеша Зелено.

Катя постояла минуту, подумала, выдохнула и спрыгнула мятые Алешины тетрадки в сумочку на само оно.

3. К в с е п о д н а н н е м у д о к л а д у

От Летнего сада через мост прохойкий выходит на Фонтанку и сразу даже не приметит три барские обложки графа Олсуфьева. Два под-этаким обложке мог разместиться департамент полиции. Но два этаким обложка—не то в роде декорации. Позади к обложку примакает большой пятиэтажный дом, в котором удобно и на просторе разместились все делопроизводства департамента полиции и самое важное—платье делопроизводства.

Пятое делопроизводство есть особая политическая часть. В просторных комнатах широко разместились железные шкафы с папками, алфавитными, фотографичными и делами.

На обложке каждого дела надпись: «Совершенно секретно. Выдаче в другие делопроизводства—не подлежит».

Каждый шкаф заключает историю побед и поражений, рождения, гибели людей и организаций, которые числятся по прошурованным, припечатанным, зарегистрированным и занумерованным делам в следующих канцелярских отделениях:

Первое—общего характера перенски.

Второе—социал-революционеры.

Третье—социал-демократы.

Четвертое—инородческие организации.

Пятое—разбор шифров.

Шестое—специальное отделение, так сказать личного состава, свои домашние дела, касающиеся секретных сотрудников жандармских управлений и охранных отделений. Сюда же, к политической части, относились затравочники и агитора со своим особым штатом и начальником. И все эти папки, дела, шкафы, офицеры и чиновники вместе официально назывались—особой политической частью департамента полиции, а неофициально в народе—«черный кабинет».

Тем же со сводами коридора, затхлый, застоявшийся воздух и запах сургуча и клея. В коридорах день и ночь—электричество. Бесшумно двигались у кабинета директора департамента чины для поручений и состоящие при департаменте чиновники и офицеры.

Но в главном департаменте, товарищ министра внутренних дел, Степан Петрович Белеликин, находился в командировке.

Минута в минуту по расписанию отошел экстренный поезд от Варшавского вокзала в Петроград. Мягко покачиваясь на рессорах спальной вагон, толпился воздух от паровой отопительной, переливалась электричеством под матовыми абжурами ламп, и проводники разносили чай и сухарики. Здесь все по-старому, точно не было всеосемидесяти месяцев войны.

Но еще в августе прошлого года была ездана Варшава и потя за собой Петроградом начинались путаница военных составов, зыбленом, санитарных поездов, море серых военных шинелей и полубудков, в которых воняли одинокие шубы шитских, т.-е. здесь уже было то, что называлось фронтом.

Мягко покачиваясь на рессорах, синий салон-вагон вел главу департамента полиции в ставку верховного главнокомандующего для всеподлиннейшего доклада и личной аудиенции с царем.

4. К т о ?

С в с я р ы х капитальных стенах тюрьмы под сводчатым потолком долго и глухо отдаются быстрые, тревожные шаги. Ольга Русецкая ходит по камере, поглядывая в голубой узенький четырехугольный, в оконечке, забранное решеткой. Врывается влет влет, но в короткое звание дни быстро тускнеет голубое пятнышко в окне за решеткой. Потом за решеткой черная, густая

ночь. Огненным раскаленным червоню светится электрическая дуга лампочки в потолке. Целая стена завалива по ту сторону двери у зашурт, скрывает, внимательный—настойчивый голубой парный работник? Или Алеша, по паспорту Зелено—сибиряк, ученик смалых, смелый в бойкий парень с голубыми, ясными глазами? Дядя Вася, старик, работник чуть не с восьми-десятью годов, друг Желобова и Перовского. Все, как на подбор. Все опытные, бывалые, верные и испытанные. Но, ведь, только оно, только эти люди готовили листовки к деятелям. И опять перед глазами Ольги прохлодят четверо товарищей, взятых вместе с ней, и еще несколько других, которые связаны с этой работой. Ряд мужественных, открытых, честных лиц. Ряд лиц, у которых вся жизнь на виду. Такая жизнь, с годами тюрьмы, ссылки и тюрьмы, с побегими, провалами, карьерами и поборами. Нет, не они... Не эти.

— Тогда кто же, кто?

В ту же ночь в Литовском замке, в капризном «четырех» худенький, голубоглазый юноша, сделанный по делу у типографии, пришел к стене, оглядываясь на глаза, выступая

т стену по торевой азбуке буква за буквой.
 «...а...я...т...у...к...а...т...т...и...и...б...у...м...а...т...т...и...и...»
 В соседней камере, прижав к стене, слушал
 другой заключенный, иногда перебивая мелкой
 дробью стука, и прося повторить непонятное.
 Дто шла чужа. Наконец, стучавший в стену
 вывад встал, разогнул спину, потнулся, сел
 на койку и долго смотрел в стену ясными, голу-
 быми глазами.

5. Нечаянная радость

Катя возвращалась с фабрики. В морозном
 тумане желтой печной вихарки вдоль на-
 бережной фанеры. Она пересекала огромную
 пустынную Дворцовую площадь, где темно-крас-
 ной окалиновой грядой поднимался Зимний
 дворец. Проверяла мимо зубоскалящих сторо-
 же в воротах и прошла путанными дворниками
 в подвальном этаж.

Василий Иртышев в очках с вечерней газетой
 сидел у лампы. В фанзюковой кружке стоял чай,
 на куске черной, засохшего хлеба лежал
 алявский ореховый сахара. Вот и весь убогий
 Василий Иртышев. И в этом выдохшем, с обрез-
 ками соломы, кусочке хлеба, в этом образе
 сахара был голод, стучающийся в подвалы, чер-
 ды и дома рабочих окраин. Когда Катя про-
 ходила по путанным дворникам, ей поподилась
 высокая, как бы подстергающая ее тень. Но
 девушка думала о другом, спешила домой и,
 так и не оглянувшись, постучалась в тяжелую
 на блоке дверь. Иртышев пустил дочку и по-
 недельник закрыть дверь.

— К кому, служба?—спросил он, взгляды-
 ваясь в темноту.

— Василий Карпыч!—послышалась Кате глу-
 ховатый, странно знакомый голос.

Иртышев отступил, впуская гостя, и свет
 от лампы на столе уняла на высокого солдата в
 серой папаче.

— Кто?—окликнула Катя, всматриваясь и,
 испугавшись, сама не веря, звонким, радостным
 голосом воскликнула: Титов!

Девушке шатнуло к солдату. И он протя-
 нул руки, и оба стояли, держась за руки, друг
 против друга, глаза в глаза, и в глазах было ра-
 достное сияние, радость и свет.

Вокруг, покрывшаяся ил и вадыха, ходил Ва-
 силий Иртышев, что-то говорил, о чем-то добро-

душно расспрашивал, а Катя и Титов не слы-
 шали и глядели друг на друга жадно и радостно.

— Да сидеть же, ироды...—вдруг расер-
 двившись, крикнул на них Иртышев, и они слы-
 шали Титов расстегнул пояс и свиз шивель. Он сильно
 покусел с лета, будто бы наступили в крах
 часто пробегали тени, и когда молчал, то глубоко
 и сумрачно сжимались губы. Две защитных на-
 шивки на руке говорили о тяжелых ранениях
 и борьбе крепкого, сильного тела со смертью.

Ну, чего рассказывать, Иван-воин?—соч-
 чувственно кричал Василий Иртышев.—Небось,
 есть о чем порассказать. Воевать, брат, не па-
 хать...

— Да, не пахать?...—задумчиво сказал Ти-
 тов, не отводя глаз от Катю.

И Катя переменилась. И молодости не убыло,
 а восталье преспокой ие и румянца меньше.
 Точно другая девушка проехала летом на Вар-
 шавском вокзале.

— Где вояжали?..

— Везде. И под Варшавой, и под Ритой,
 и в Волыне. Где накам бранных солдат, ворон
 и не волеж... Люб ли в крестах, либо голова
 в кустах. Теперь послали сюда молодых учить.
 В унтера прозвали.

— То-то, за царь служба не пропадет...

— Дядя Васильич!—Титов вздохнул, мах-
 нул рукой и больше ничего не сказал. Повер-
 нулся к Кате.

— В Питере, говорят, животы подводит.
 Бастовали.

— Осенью бастовали. От царя синтские ге-
 нерала по заводам ездили.

— Титов и Катя молчат, глядят друг на друга,
 и в глазах горькая усмешка. Василий Егорыч
 ходит, заложив руки за спину, и сам с собой
 о чем-то рассуждает.

В передней постучали в дверь. Катя пошла
 открывать и затворилась. Потом вошел в ней
 низенький, худярый парень в полушубке и дру-
 гой, постарше, чернороботый токарь с Леснера.
 Познакомились с Титовым. Поговорили о войне.

— Как у тебя Лешнина бумаги?—спросил
 Катю токарь.

— У меня... За два дня до беда пришел и
 отдал. Держи у себя, в случае чего... Ну, как
 там ему?..

— Да ничего. Сидит.

Катя ушла за занавеску, принесла пакет.
 Токарь взял пакет. Еще немного поговорила,
 простился и ушел с худярым парнем.

6. А дещина в бумаге

Чернороботый токарь и низенький худяры-
 ый парень сидят у тусклой керосиновой лампы.
 Они разбирают исписанные неразборчивым ло-
 черком измятые тетради в синих обложках.
 Половина страниц вырвана торпильной рукой.
 Страница рассказывается и сначала трудно по-
 нять беспорядочные записи карандашом.

— Июнь 1915,—читают они.—Сегодня вышел
 из тюрьмы, по улиям коху, как во сне. А ве-
 сьтаки хороша воля. Чорт возьми, до чего хо-
 тается рассказать «токаря» или Оле. Не поймут.
 Однако, сказать надо. Не им, так старшим.

Встречался редко с товарищами. Вероятно,
 есть слежка. До чего скудно в подполье. На-
 чинаю понимать максималистов. У старых бо-
 лшевиков было веселее. Бомба, маузера, экска
 И попробовал сказать об этом «токаря»... Но он
 так взглянул на меня. А у нас скудно. Загнана
 ание номера «Социал-демократ». Товарищ из-за
 границы. Споры о Кате, о Циммервальде, про-
 паганда исподтишка. В общем—скука.

Если бы они узнали о моей затее. В конце
 концов они узнают. Они увидят результаты,
 и никто не посмеет упрекнуть меня в том,
 что я скрывал от них и ч а д о. Надо бы
 спокойным, нужна выдержка. В сущности
 чем я хуже...

(Несколько страниц нехватает).

А густо. Встретился в условленном месте с Михаилом
 Петровичем. Он очень встревожен. Сибирские адреса,
 кошель, вранье. Впрочем, один я
 да правильный. Это—адво-
 кат, он давно отошел в тюрьму
 в судебное ведомство. Пусть
 повоевать с охранкой. Михаил
 Петрович умоляет не путать
 адреса, иначе все затея к черту.
 Чорт знает что... Ключников,
 Ключников... Ключников!

Еще несколько страниц
 в тетрадке нехватает. Два чело-
 века читают следующую страни-
 цу, не помнящую ни чис-
 ла, ни месяца.

«Раговор был приблизительно такой:
 Михаил Петрович: Нельзя, родуша. Надо
 дело делать.

Я: А вы делаете? Вы обещали ввести в ра-
 боту. Дать задание. Где работа? Где задания?
 Выглядывает у меня губка. Мельч. Улик.
 Адреса.

Михаил Петрович: Так вам сразу и задание.
 Оправдать себя надо. Саме сидите. Сибирские
 адреса—тушь. Как же я могу нас вводить?
 Я: Не вояжте не пишу.

Михаил Петрович: И мне надо мелочи. Голуб-
 чик вы мой! Дайте склад! Дайте литературу,
 дайте типографию! Большому кораблю—большое
 плавание. Шутите вы с департаментом
 Департамент—сла! Начинная я при Судебном.
 Может сказать? До чего дошел человек! Пре-
 зидентом себя видел!. Российский республикой
 президентом. Покажите себя! Озолотим. Возвы-
 сим. В дворянскую охрану определим. Стало
 быть, дадите янички?

Я: Не дам.

Говорю—не дам и—чувствую, что терпясь.
 Какое унорство! Ужасный тупина! Чинилов!
 Наемный гад и такое искреннее, злое упорство.
 Трудно с ним. Очень трудно! Проклятая,
 стряпная ежом тумба башка! Поглядиам...
 Другой разговор и кажется последний.

Он: Стало быть, не даешь?

Я: Не дам.

Он: Ну, и не надо. С нас хватит.

Я: То-ест... как хитит?

Раговор был в кабинете грязного ресторани-
 чика на Сенной. Он стоял против меня и усме-
 хался. Говорит:

— То-ест как хитит?

Он хихикал и разглядывал ладоные уса.

— Один адресок дал правильный. Сибирский.

— Ну?

— Больше не дашь?

— Не дам.

— Ну и не надо! Что с тебя польза. П у с т ь
 с в о и ж р у т П о н я т ь ?

— Не понимаю.

— Поймешь, когда свои п р и и б у т ь. Как
 там не верти, в одного продал. За это не погла-
 дит, когда в а з а н а ю т ь.

— А кто скажет?

Ухмылялся и сел, развалившись в кресле.

— Уж найдуся так же. Ну, так как же роди-
 ны? Эй, брось. Брось, говори! Вынь руку из
 кармана. Со мной лодка. Ну-с, так как же?

Тяжело шати за дьявелью в коридоре.

Вот он конец. Конеч затен. Катючичков,
 выдержка... Ведь мой же Катючичков! Ведь
 мой революционер-народоволец двадцать лет си-
 деть в департаменте полиции и отводить от
 своих камер. Почему же я не могу?. Почему?
 Конеч. Гадина!..

Нехватает нескольких страниц.

Еще одна страница, написанная насех:

«7 января 1916. Все конечно. Я—агент
 внутреннего наблюдения, как это у них на-
 зывается. Мой руководитель некто Михаил Пе-
 трович, чиновник, который вел следствие. У меня
 есть клещик «Горячий» и жалованье. Теперь
 они требуют от меня «освещения» работы под-
 польной типографии. Он клещится, что я останусь
 в тени. Меня для вида посылает в тюрьму, затем
 устроит побег. Я им убоит себя и себя. Но я упу-
 стил случай, что же в способе, третий пред-
 елитель и трудей. Что делать, что же делать?..»

Дальше стихи, рисунки, поэма о снежной
 принцессе и затем о первой встрече с Катей.

«Технико и худярый паренек еще раз прочли
 последние страницы следующей страницы.

— Вот гад... Вот, верь такому... Я, вприн-
 тившись крепким словом, он вопросительно
 смотрит на токаря.

— Ладно,—говорит, подумав, «токарь»,—
 расчет с ним поспе.

В Литовском замке глухо отдаются под ка-
 менными сводами шаги надирателя. Он про-
 ходит мимо дверей камер, приподнимая глаза
 в двери, смотрит и проходит, почесывая спину
 и зевая. Крайний камеру, где сидит худярый,
 голубоглазый малый, он пропускает и повора-
 чивает назад.

Между тем, худярый малый стоит среди
 камеры полууголый, без рубашки. Выпянут
 худие лопатки, он ежится от холода и сырости,
 но продолжает курить жгуче ссорочку. Не
 впринтыв жгучему сорочку он пропускает через прут
 прететки и крепко затягивает уалом. Из другого
 конца жгуча он делает тоже узел и крепко за-
 тигивает его вокруг своей шеи. Секунду он ко-
 лобасит и стоит, выгнувшись по всей рост на
 столе. Затем отходит от край стола и прыгает
 вниз. Узел на шея затягивается. Ноги его, дер-
 гаясь, цепляются за угол стола, и он остается
 кося висеть в воздухе.

В руку из кармана

ТУРКЕСТАНО-СИБИРСКАЯ

Очерк П. ЛОПАТИНА

БОГАТСТВА И НУЖДЫ ТУРКЕСТАНА

Знойный, солнечный Туркестан и холодная, снежная Сибирь, гранича между собой, бесконечно непохожи друг на друга.

Залитый солнцем, песчаный и степной Туркестан испокон веков славился своим хлопководством. С давних пор ранней осенью его базары были завалены громадными тюками, из дыр которых выглядывали пушистые комья белой ваты: это пресловутый хлопок желтый своего отправления в промышленно-текстильные центры.

На выжженных солнцем песках Туркестана нет влаги. Там воздух почти всегда туманится от тончайшей желтой пыли, поднимаемой ветром, и на сотни верст, как застывшие волны, стоят холмы сыпучего песка. Только уродливые, угловатые стволы саксаульного леса сидят на раскаленной почве. Но они не могут дать ни достаточно древесины для промышленного топлива, ни тем более материала для стройки.

Знаменитые хлопчатники отдельными островками раскинулись на этих песках в тех местах, где удалось по длинным «арыкам» (канавам) подвести к ним воду. И вот эти-то прекрасные поля, отнятые с таким каторжным трудом от раскаленных песков и как будто самой природой созданные для капризного дорогого хлопка, приходится частью засеивать пшеницей, чтобы заполнить хлебный пробел в туркестанском хозяйстве. А за недостающей для наших фабрик хлопок нам приходится из-за этого втридорога переплачивать за границей.

Туркестан всегда голодал по хлебу, топливу и строительному лесу.

БОГАТСТВА СИБИРИ НЕДОСТУПНЫ ТУРКЕСТАНУ

Сибирь, граница с Туркестаном, бедна тем, чем богат Туркестан, и богата тем, в чем так нуждается ее сосед.

Западная Сибирь недаром славится своей пшеницей: даже в самые голодные

годы в западно-сибирских деревнях лежало в закромах зерно третьегодичного урожая.

Кузнецкий каменноугольный бассейн Западной Сибири по справедливости носит почетное имя «главного угольного закрома СССР»: в его недрах лежит 60% всех наших угольных богатств.

И, наконец, сибирские леса представляют такое неисчерпаемое богатство, которое долго еще будет большим поспорем нашего советского хозяйства.

И вот этот-то сибирский хлеб, лес и уголь Туркестан не мог получить по прямому пути непосредственно через Туркестано-Сибирскую границу. Отсутствия железной дороги и громадные, широко раскинувшиеся степи Казахстана не дали возможности перебраться в Туркестан богатства Сибири.

Туркестан получал их окружным путем через Европейскую Россию, платя за них непомерно высокие цены.

ВАЖНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ СТО

Царское правительство, прекрасно понимая всю ненормальность положений, тем не менее ничего не сделало для его преодоления. Даже наоборот. Находясь под влиянием крупных помещиков европейской части России, которые опасались конкуренции у себя и в Туркестане сибирского зерна, оно ввело так называемый «челябинский переломный тариф»: при следовании сибирского хлеба на европейские рынки этот тариф искусственно повышал стоимость провоза на 15 копеек за пуд. Таким образом он резко удорожал сибирскую пшеницу, делая почти невозможным привоз сибирского зерна на европейский, а тем более на туркестанский рынок.

Советская власть отменила этот тариф, но все же не могла открыть сибирскому хлебу широкого выхода на всесибирские рынки: крайне скудная сеть железных дорог Сибири делала невыгодным производство пшеницы уже в 100 километрах от сибирской магистрали. И само собой напрашивался выход: соединить Туркестан с Сибирью железной дорогой, которая дала бы возможность обмениваться своими богатствами этим двум крупнейшим районам страны.

СТО в своем заседании от 3 декабря прошлого года постановил:

«Постройку Туркестано-Сибирской железной дороги начать в этом хозяйственном году с тем, чтобы закончить ее в пятилетний срок».

НОВАЯ ДОРОГА ОСВОБОДИТ НАС ОТ ИМ ПОРТА ИНОСТРАННОГО ХЛОПКА

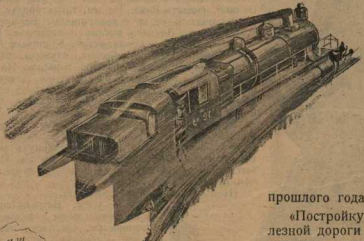
Что даст Туркестану эта дорога? Прежде всего — хлеб. С постройкой Семиреченской железной дороги алтайская, семиреченская и барнаульская пшеница, в размере 20 миллионов пудов, может быть ежегодно перебрана в Туркестан. Этот кратчайший путь даст возможность Туркестану платить нормальную цену за хлеб,

На выжженных «солнцем» песках Туркестана нет влаги. Его знаменитые хлопчатники отдельными островками раскинулись на этих песках в тех местах, где удалось по длинным «арыкам» подвести к ним воду. И вот эти-то прекрасные поля, отнятые с таким каторжным трудом от раскаленных песков, приходится часто засеивать пшеницей, чтобы заполнить хлебный пробел в туркестанском хозяйстве.

ВВЕРХУ: Дехкан (крестьяне) Туркмениистана. НИЖЕ: работа на полях у арыка. ВНИЗУ: Карта хлопкового района в Туркестане.

ВВЕРХУ: Дехкан (крестьяне) Туркмениистана. НИЖЕ: работа на полях у арыка. ВНИЗУ: Карта хлопкового района в Туркестане.

МАГИСТРАЛЬ

потому что дорога экономит на пути пшеницы по крайней мере от 18 до 38 копеек.

Кроме этого, новый близкий рынок пшеницы сделает возможным засев новых огромных территорий в Семиречье и Казахстане и тем самым увеличит общий хлебный фонд Союза.

Но этого мало. Получив сибирский хлеб, Туркестан освободит нас от необходимости привоза в него тех 20 миллионов пудов хлеба с Северного Кавказа, которые таким образом могут быть переброшены в Ростовский порт для вывоза за границу. При переводе на язык золота это значит: Семиреческая железная дорога увеличит наш ежегодный хлебный экспорт на 17 миллионов долларов (1 доллар = 2 золот. рублям). Получив дешевый сибирский хлеб, Туркестан в состоянии будет освоить для посевов хлопка 230.000 десятин поливных земель, теперь засеваемых пшеницей. А это увеличение площади советских хлопчатников как нельзя более кстати для нас: это не только снабдит наши текстильные фабрики недостающим хлопковым сырьем, но и уменьшит наш ввоз зарубежного хлопка, который наш восток считает не дешево. Займемся и здесь арифметикой. Сейчас, говоря грубо, мы возим каждый год 8½ миллионов пудов американского хлопка. Это стоит нам 55 миллионов долларов. Семиреческая дорога, подарив Туркестану десятки тысяч десятин под хлопковые плантации, полностью восполнит этот пробел, освободит нас от зависимости от американского хлопка и сохранит ежегодно в нашей кассе 55 мил. долларов, которые мы сейчас выплачиваем американским хлопковым королям.

Короче говоря, постройка новой дороги, разрешая только один хлеб-хлопковый вопрос, даст нашей внешней торговле увеличением вывоза хлеба и преобразованием ввоза хлопка ежегодную прибыль в 72 миллиона долларов. Уже одним этим новая дорога выходит далеко за пределы местного значения только для Сибири и Туркестана. Она делается дорогой общесоюзного значения.

СЕМИРЕЧЕСКАЯ ДОРОГА ДАСТ ТУРКЕСТАНУ ЛЕСНОЙ МАТЕРИАЛ СИБИРСКИХ МАССИВОВ

Не надо думать, что новая Семиреческая дорога будет только хлебной дорогой. Удовлетворив потребность Туркестана в пшенице, дорога «накормит» его и строительной древесиной, в которой он нуждается, быть может, даже больше, чем в дешевом хлебе.

Надо сказать, что сама природа как будто позаботилась о том, чтобы Туркестан нуждался в лесе: она не только не дала Туркестану собственных лесных массивов, но даже и сибирские многоводные реки чрезвычайно неудачно расположила с точки зрения экономики Туркестана. Они все текут не из леса в степь, а наоборот, и этим не позволяют пользоваться ими для сплава лесных материалов.

Новая же дорога свяжет девственные, до сих пор почти не разрабатываемые, лесные массивы Алтай с безлесным Туркестаном, обеспечит строительные и ореховые работы Туркестана дешевым

пиленным лесом, а туркестанскую промышленность — дешевым углем Кузнецкого бассейна.

СТОИТ ЛИ ТРАТИТЬ 150 МИЛЛИОНОВ РУБЛЕЙ?

Хлеб, лес и уголь — вот основной груз будущей дороги. Но эта новая магистраль выполнит еще целый ряд интересных и важных заданий.

Она возродит угольные, серебро-свинцовые и золотопромышленные предприятия края, которые в свое время возникли в большом количестве, но прекратили свою деятельность из-за отсутствия удобных путей сообщения.

Она откроет Туркестану и Казахстану новые рынки сбыта для их продукции: садоводства, виноградарства и кустарной промышленности.

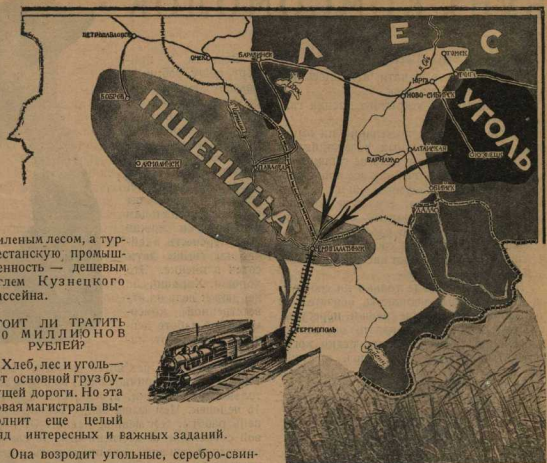
Она будет способствовать усилению вывоза в Англию путем использования Карской северной экспедиции экспортного сырья: конины, волоса и шерсти.

Затем неизбежно с проведением дороги усилится и рост промышленных предприятий по переработке продуктов животноводства, утилизации костей и других отбросов для целей удобрения, в которых нуждаются хлопковые районы.

И, наконец, непосредственная близость дороги к границам западного Китая даст возможность усилить наш товарооборот и разрешит ряд вопросов, связанных с нашими сырьевыми заготовками в этой стране. Семиреческая дорога прибьет к жизни громадный район Казахстана и западной Монголии, район молодой, почти не тронутый в своем хозяйственном развитии, бесконечно разнообразный по своим огромным, большей частью даже еще не учтенным богатствам, район, по своей площади равный Франции и Италии, соединенным вместе.

И за все это нам придется уплатить 150 миллионов рублей — сумму стоимости всей дороги. Эта крупная цифра так мала по сравнению с громадным значением новой дороги, что двух ответов быть не может: Туркестанская магистраль стоит того, чтобы затратить на ее постройку даже вдвое большую сумму.

Читайте в ближайших номерах **"СМЕНЫ"** большую приключенческую повесть **Н. Огнева "Следы Динозавра"** — научная экспедиция в Китай с участием комсомольцев

Западная Сибирь недаром славится своей пшеницей: даже в самые голодные годы в западно-сибирских деревнях лежало в закромах арно третья-вторая урожая.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

_____ отрожающая жиа

..... оседловое с

— Габрицы тугорной

— С.С.С.Р. Азия

— для восточной Азии

Кузнецкий каменноугольный бассейн по праву является житницей или «валовой» угольно-лесной кассы СССР. И, наконец, сибирские леса представляют такое неисчерпаемое богатство, которое долго еще будет крупнейшим подспорьем нашему советскому хозяйству. И вот этот-то сибирский хлеб, лес и уголь и волочит Туркестан по новой Сибирско-Туркестанской магистрали.

ВВЕРХУ: Карта Сибири с указанием районов расположения основных богатств: угля, леса и пшеницы.

НИЖЕ: Штабеля сибирской пшеницы и огромные склады леса.

БУНТ КОМСОМОЛКОВ

Бор. ГАЛИН

ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТИ

6-го января в печати появилось открытое письмо девушек.

Первые строки открытого письма гласили:

«Сколько благих пожеланий ни выносило на всевозможных совещаниях и съездах, но до сих пор дело не сдвинулось с мертвой точки. В ячейках все попрежнему: на собраниях шумят: «ш и р е д о р о г у д е в у ш к е», а на деле девушкам понастоящему, как парень, еще не втянутого в комсомольскую работу».

«Сами комсомольцы своим отношением к девушкам отталкивают нас от общественной работы...»

Всюду и везде, где только ни соберутся комсомольцы, активисты, обязательно услышишь грязные смехи, пересуды. Охаять девушку, рассказать о ней похабный анекдот — без этого редко когда обходится ребята, собравшись в клубе или на вечорке».

И действительно, на «Красном Октябре» парни стали насмехаться над девчатами и их письмом:

— Вот бабы-то раскудахтались.

Не лучше было и на Семеновской мануфактуре. Там секретарь ячейки, парень, просто-напросто запретил собираться и обсуждать:

— Ишь, чего захотели, самим собираться... Не разрешу — баста.

Таких случаев, как на Семеновской мануфактуре, единицы. На большинстве же ячеек и девушки и парни самым живейшим образом взялись за обсуждение письма...

«В САМУЮ ТОЧКУ»

— Девчата, — сказала Женька Либерман с Трехгорки, — вот собрался мы все, прочли еще разок письмо и скажем по чести, по-комсомольски — письмо попало в самую точку.

Возьмем к примеру нашу фабрику. Свыше 7 тысяч у нас рабочих, из них половина работницы, а вот посмотрим, как у нас девчата работают. Верно, теперь времена не те на фабрике, что раньше. В 1922 году девчат в ячейке по пальцам одной руки можно было перечесть, а сейчас нас свыше двух сотен в ячейке. Это хорошо. Хорошо, да не дуже: ведь на ответственной комсомольской работе девчат у нас «как наплакал».

Секретарями цех-ячеек девчата работают, а вот в фабричное бюро вошли всего только две девушки, а ведь, членов бюро 15 человек. Чем выше общественная ступень работы, тем меньше девчат. От первой ступени общественности до самых последних ступеней надо продвигать и приучать девушку работать, — вот наказ девчат с Трехгорки.

Как только пришло письмо в Иваново-Вознесенск, так сразу же группа девчат решила обдумать и сказать свое слово.

Девять девчат с фабрик Иванова подтвердили правильность написанного в письме.

— У нас, на иваново-вознесенских фабриках, девушек — большинство, но положение их в комсомоле не лучше, чем у вас, в Москве.

Недоверие к девушке-комсомолке в'елось в плоть и кровь наших комсомольцев. Девушек не выдвигают на самостоятельную общественную работу. В ФЗУ,

ИЗ РЕЧИ КОМСОМОЛКИ:

«Наши девушки очень часто раздражены по всем фронтам. Некоторые даже ушли в хлевские рукописки. Так, в Самарской области около 161 комсомолок вышло в с. ч. 4 т. 80% ушли в хлевские рукописки. Это повсюду явление надо искоренять».

в броне девушки работают на низких порядках, хотя работу выполняют не хуже ребят.

— Посмотрите, на ком больше всего женятся, с кем больше всего проводит досуг комсомолец, и что обиднее всего — активист: с накрашенными девчатами, зачастую чуждыми его взглядам на жизнь.

Что говорит иногда комсомолец?

— Раз ты в кожанке, мне с тобой какой интерес.

КОЖАНКА И КОМСОМОЛКА

— Дайте и нам, ребятам, высказать свое мнение о девушках, — потребовали комсомольцы харьковского завода «Свет Шахтера».

— «справы ивановские девчата, обвиняющие нас в том, что мы с девчатами, одетыми в кожанках, не гуляем».

Мы кожанку любим, а вот часто бывает так, что под кожанкой скрывается комсомолка, перенявшая от ребят ругань, «удаль молодецкую». Не чураемся мы комсомолок, работаем и гуляем вместе с ними, а вот есть такие девчата, что хотят быть «стопроцентными парнями» и позанимались у парней умнее отборно материться.

Вот в Самаре весной проводили бытовую анкету среди комсомолок. Был вопрос: «ругаетесь ли вы матом?» Из 161 комсомолки, заполнивших анкету, 121 комсомолка скромно ответили одним словом: да.

Ну, вот спасибо: мы боремся против ругани в комсомоле, а тут вдруг самарские комсомолки побивают рекорд: 80% ругаются.

Такого «равноправия» мы не желаем, и против него мы встаем единодушно.

ПОСТОИМ ЗА СЕБЯ

В печатном отделении стоял шум от нервно дигавшихся талеров машин, покания «американок» и песен девчат-фабзавчиц.

В двенадцать дня машины остановились в своем беге и сразу же стало тихо. Все кинулись к выходным дверям — обе-

Не все комсомолки относятся дружелюбно и серьезно к обсуждению вопросов, поднятых письмом 15 комсомолок. На снимке: «Взяли парня в работу»

даты. К группе девчат, складывавших листы уже отпечатанной бумаги, подошла Нина Крамарева и, размахивая листом комсомольской газеты, вскричала: — Стой, не расходишь! Читать будем. — Кто читать? Зачем? — поспыались вопросы.

Не давая опомниться, Нинка присела на край приемной доски и с места в карьер стала читать письмо московских комсомолок.

Слушали молча. Первой прервала молчание Женя Николаенко:

— Вот это здорово палеули москвичи. Что ж, давайте разберем по косточкам, в чем правда и неправда письма.

Кто-то пытался внести предложение «в общем и целом» присоединиться к письму, но все единодушно отвергли это «бюрократическое предложение».

Слово взяла Феня Линяская:

— Девоньки, поглядим на жизнь и работу девчат нашей харьковской школы печатного дела. Жаловаться на комсомол нам не к лицу, ведь из 90 девчат — 60 в комсомоле.

— Кто пойдет обедать?—Все.

Еще тише стали в печатном. Застыли машины, и белыми простынями сталась бумага по узким проходам отделения.

НЕ ВСЕ ДРУГИХ ВИНИТЬ

Докатилось письмо и до Сормова. В тот же день Елена Солнцева с завода «П а м я т и 26-ти б а к и н с к и х к о м м у н а р о в» договорилась встретиться в поселке с подругами-комсомолками и коллективом прочесть московское письмо.

Быстро уходит зимний день. Замер огромный пятнадцатитысячный гигант-завод, ожил поселок, улицы, клуб. Вот по главной Коммунистической площади — десятко девчат во главе с Еленой Солнцевой. Свернули с широкой дороги в переулок и нырнули в двери комсомольского клуба.

Быстро вбежали наверх, захватили пятую комнату и приступили к обсуждению. Первой повела атаку Елена.

Самое плевое дело накричать о том, что девчат затирают, а трудней работой доказать обратное...

Спор кончился у ворот Еленкиного дома. Этот день десяток сормовских девчат не забудут...

ТОВАРИЩЕСКАЯ БОРЬБА КОМСОМОЛОК С КОМСОМОЛЬЦАМИ

Чуткость и внимательность к девичьим нуждам и запросам—первое условие лучшей работы. Совсем недавно на фабрике им. Маркова исключили «скопом» 12 девушек-комсомолок потому, что они якобы ничего не делают в комсомоле.

Эти же исключенные девчата работают в виде комсомолки чехдеглатками, в совете, а ячейка о их работе они ухом, ни рилом.

Исключить девчат—дело не трудное, а вот вовлечь и заинтересовать хорошей работой—этому ячейка фабрики им. Маркова еще не научилась.

Или вот другой факт: на Хомовическом пивоваренном заводе исключили группу девчат из комсомолы. Спросили секретаря ячейки:

— А как же с твоей женой быть, ведь собраний она не посещает?

— Да она сама уйдет,—ответил секретарь.

Между тем, до замужества эта девушка была хорошей комсомолкой.

Ошибаются те, кто считает, что девчата «загелили бузу». Нет, письмо это не буза, а голос комсомолок, который должен быть услышан всеми.

Т. Луначарский по поводу письма девушек сказал:

«Одно дело—борьба пролетариата с буржуазией или даже борьба буржуазных феминисток против своих «глаз семьи», а другое дело—товарищеская борьба комсомолок с комсомольцами. Здесь вся правда. Поэтому — да здравствует активность комсомолок по двум линиям: во-первых, по линии борьбы за полное равенство с парнями, а, во-вторых, и это еще важнее, по линии борьбы за фактическое равенство, т.е. за то, чтобы комсомолки как можно скорее в действительности сравнялись количественно и качественно с комсомольцами!»

Читают открытое письмо на Трехгорке

Из 4 цех'ячек двое девчат работают секретарями, есть и члены бюро. В завкоме, в комиссиях—всюду наши девчата работают. У нас на этот счет благополучно...

— Благополучно?! — волнуясь, спросила Нинка.—А в печатном как на нас, девчат, смотрят? Мастера ходу не дают...

Посыпались факты, примеры. Вот был недавно случай. Делала девушка приправку на машине. Вышло неудачно. Вместо того, чтобы помочь, мастер и взрослый рабочий стали подсмеиваться над ней: «Вот, мол, какие из вас печатницы, вам бы дома сидеть и не рыпаться».

— Девчата, составим коллективное письмо. Подтолкнем нашу ячейку, чтобы лучше следила за производственным воспитанием, да и мастерам не мешает «хвост накрутить».

Предложение Женки принимается единогласно.

— Нить на свое житье [не] годится. Винить одних парней не к чему. Да разве, чтоб начать работать, надо дожидаться зова парней?

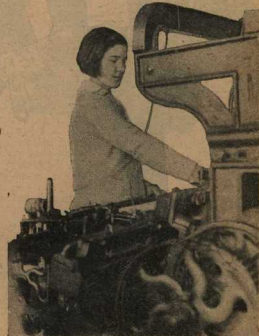
— Давайте доказывать фактами. Дали мы на нашем заводе одной девчонке работать в стенгазете—и сама согласилась, и работа понравилась. Пришло время отчитаться. Что же получилось? Сидим на бюро, ждем, ждем, а она быстрехонько, не предупредив нас, удрала на свидание.

— Гулять—гуляй, а про работу не забывать. А таких девчат у нас немало, что меняют работу на танцульки и вечорки.

В комнату, приоткрыв дверь, взглянул Федька Ракин из юнсекини.

— Что у вас тут?

Рассказали ему про письмо, да он и сам знал о нем. Наташа Березина из школы кройки и шитья рассказала о девчатах, забавляющих заглядывать в ячейку и взятыся за работу.

За ткацким станком

ПИСЬМО КРАСНОФЛОТЦА

Дорогие товарищи!

Мы постоянно чувствуем заботу о нас наших товарищей с суши, нас там помнят, а иногда и гордятся своими моряками. Но, как это ни странно, комсомольская организация и самые широкие массы молодежи недостаточно знают о жизни и быте краснофлотцев. Не только не знают, а зачастую живут ложными представлениями о нас. Всем известно, что моряки часто подражают, что среди молодежи распространен так называемый морской форс. И вот в том, в чем нам подражают, и в том, какими морскими замашками форсит на суше, сказывается, насколько застыли представления о море и насколько они находятся в противоречии с нашим новым бытом.

ЖИВ ЛИ КУРИЛКА?

Нам известно, с каким интересом молодежь читает романтику, относящуюся к морю, с каким интересом смотрит молодянки кино-картины из жизни морских пиратов и т. д. и т. п. И вся эта романтика бывает исполнена целым рядом суевенных традиций морского быта. Живут ли эти суеверы у нас? Нет, мы, живущие на морях, давно изгнали и изгоняем остатки этого совершенно ненужного для

Вот как «сухонутные моряки» строят «старую морячку».

нас старого хлама. Да и может ли новая флотская молодежь строить свой быт на суевенных представлениях о каких бы то ни было таинственных силах? Курилка умер, курилка нами похоронена в борьбе за беспособность флота, в любви к своему кораблю, к его точному механизму, в нашем коммунистическом воспитании. Это теперь для нас так же странно, как если бы заводская молодежь населяла свои фабрики и заводы всякой чертовщиной и за каким-либо маховиком или динамо искала спрятавшегося беса.

МЫ ПРОТИВ
КЛЕША, ФИНКИ И ТАТУИРОВОК

Уже издавна флот представлялся как элемент «буристый». Разве не укоренилось вообразить моряка апашем, разгульно живущим в портовых винных погребах? Это — о морях вообще. Военный же моряк и по сей час кажется многим из среды нашей молодежи хулиганствующим, с финкой за поясом, с широчайшим клешем, подметающим панели улиц.

Так ли действительно живем мы теперь?

Ведь, не один из нас, приезжая в отпуск, замечал, с каким удивлением смотрят на него встречающие, как бы спрашивая: «Как, ты без клеша?», «Где твои наколы на груди, на руках?», «И нескрываемое разочарование прoustает на их лицах.

Молодежь не знает, что краснофлотец ведет борьбу с клешем, финкой и татуировкой, безобразнейшее тело. Не знает, поскольку с таким удовольствием форсит сейчас в городах рабочая молодежь, одеваясь в изуродованные клешем брюки, — строят «старую морячку», выражаясь по-нашему.

«КОЛЛЕКТИВНОСТЬ»

«Все за одного, один за всех» — очень старая поговорка. И было время, когда она особенно процветала во флоте.

«Братишки! нашего бьют», — и мигом десяток военмориков тут как тут.

Не правда ли, славная «коллективность»? И вот настало время, когда мы — краснофлотцы — боремся с такой коллективностью. Почему так? Да потому, что это — дикая, кастовая, бессознательная коллективность. На кораблях мощь коллектива должна быть больше, чем где бы то ни было, но коллективность здоровая, сознательная, основанная на общих задачах.

«Люблю краснофлотцев, говорил один знакомый мне комсомолец, — коллективных ребятя и лупят всех вместе».

Не забывайте, что и мы строим новый быт.

Ну, уж так не любите нас, товарищи! Не родите нас с героями ночных походов или с фашистскими дружинами.

УХАРСТВО НА ИЗНАНКУ

«Уж и ухарские ребятаки, смелые...» и восхищение и гордость слышались в этом частом восклицании наших девушек.

И действительно, в прошлом случилось — где кулаклом, а где и финкой работали дружные матросики. Но плохо то, что и сейчас нас воображают такими же. Да стоит ли много расписывать! С ухарством мы боремся.

Бывалое ухарство стало для краснофлотцев позором.

Моряк — почетное имя среди молодежи. Быть моряком считается завидным: ведь во флот отбирается цвет молодых сил Республики. Но существует власть традиции, которая толкает нашу молодежь в быту заражаться именно тем, от чего сами мы давно отказались.

Краснофлотец Осипов

Крейсер «Червона Украина»

И Г Р Ы З И М О Й

Б. ГРОМОВ

Большого, исключительного, внимания заслуживает всякого рода игры на свежем воздухе.

Наиболее простая игра — «снежок».

На «снежок» у нас привыкли смотреть, как на легкую забаву. Это совершенно неправильно. Игра в «снежок» чрезвычайно полезна, так как дает основательную нагрузку на весь организм, развивая ловкость, точность удара, глазомер и умение согласовывать свои движения.

Во Владимирской губ. играют в игру, которую называют «бабь». Для этого скатывают из липкого снега большие комки и ставят неподалеку один от другого. Через несколько дней, когда эти комки достаточно окрепнут, участники взбираются по одному на комок, а оставшиеся без «бабь» стараются столкнуть стоящих на комках. Столкнутый становится нападающим.

В Нижегородской и Архангельской губ. играют в «змеячку». На большой, открытой или в рваной поляне на лыжах, или без них, участники игры выстраиваются в ряд на расстоянии 2—3 метра друг от друга. В руках у всех составляющихся по длине (1½—2 метра), прямой палке с острым концом. Эта палка и называется «змеячкой».

Цель состязания в змейку—бросить палку по снегу как можно дальше. Чем змейка пробегит по снегу наибольшее расстояние, тот побеждает в состязании. Чтобы правильно бросить змейку, надо ее взять полной ладонью. Левая рука кладется под мышку, слегка придерживая змейку, которая держится заостренным концом вверх. Бросая змейку, змейщик делает левой рукой назад и пускает палку через правую и левую руки. Главное внимание надо обратить на то, чтобы змейка не зарылась в снег, а с самого начала легла на снег совершенно плоско. Состязания в змейку обставляются торжественно. Судей выбирается старейший змейщик, зачастую убежденный сединами крестьянин.

При минимуме затрат комсомольская ячейка или физкультурная фабрика и завод смогут организовать так и змейку—зайчиков карусель. На замершем пруду или речке (в крайнем случае просто на снегу) расчищается место сажени 8 в поперечнике. В середине этого круга пробурив небольшие отверстия, в которые вставляются кол или стобик толщиной в 2—3 вершка, и высотой 10 аршина. Кол у основания обкладывают снегом и заливают водой.

После этого на кол надевают обыкновенное старое колесо от телеги. К ступице этого колеса в длину одной из спиц его привязывают жердь. К одному из концов жерди, если концы равны, привязывают санки, с другой или просто ледянку, в которую садятся, смотря по вместимости, 1—2—3 человека. За другой конец жерди берутся несколько ребят, которые диняют жердь. Колесо катится вперед и вместе с ним вращается и жердь, к концу которой привязаны санки. Чем быстрее вертится колесо, тем быстрее бегут санки и тем труднее на них удерживаться. Чтобы придать саням большие скорости, можно вокруг столба, на уровне расположения спиц, залить ледяную дорожку.

В игре в «юла» все участники, количеством от 10 и более, становятся в круг, на расстоянии 10—15 шагов друг от друга.

Один, возманив, старается ударом ноги выбить «юлу» из круга, при чем остальные тоже проваются. Тот, у кого «юла» пройдет справа, должен занять место водяного.

При игре в «котел» на снегу или льду выравнивается площадка. Посредине роют круглую ямку в 20—30 сантиметр глубиной (на льду место ямки обозначается комом снега). Вокруг общего котла каждый игрок делает свою обведенную юлку, т. е. небольшую ямку. Каждый из игроков вооружается палкой, длиной до 1 метра. Необходим деревянный шар или

трапичный мяч. Один из игроков водит, т. е. старается ввести в общий котел шар, в чем ему препятствуют все остальные игроки, отбивая шар своими палками. Однако, отбивая шар, им приходится остерегаться, чтобы их лунка не была занята водяным. Потерявший лунку—водит. Как только шар будет введен в котел, все игроки немедленно меняются местами. У молодежи Финляндии и Скандинавских стран чрезвычайно популярна интересная и захватывающая игра в «лисицы», которая происхо-

дит за городом. Игроку в «лисицы» на лыжах, уже умев хорошо ими управлять. Сущность этой игры сводится к следующему: из всех участников выбирается один—лучший лыжник, который и называется «лисичкой». Ему дается определенный масштаб местности, в которой он может находиться (до 5 километров), за границей которой он не должен уходить. «Лисица», забрав с собой в сумке кусочки разноцветной бумаги, уходит в назначенном для остальных направлении, разбрасывая время от времени по пути бумажки.

Все остальные участники (до 30—40 ч.) называются «собаками». Их цель—найти и поймать «лисицу».

На игру дается определенное время: час—два, после чего «лисица», пробуждая по лесу и тщательно скрываясь от «собак», «заметая» свои следы, может пробраться в «юру», т. е. клуб, ставящую цель уклониться от наказания за законченной или тогда, когда «лисица» поймана, или же когда она сумела пробраться в «юру», не будучи изловленной «собаками».

В местности, где есть возвышенности или горы, можно организовать катание на санях или на лыжах всем коллективом, выстроившись в ряд параллельно друг другу и взявшись руками за общую веревку или держ палку. По команде все начинают скользить вниз, стремясь не выпустить из рук точки опоры.

В этом очерке мы не упомянули весьма распространенную в СССР зимнюю игру—хоккей, а также катание на лыжах под парусом.

Об этом читатель может узнать в одном из номеров «Сметы» за 1925 год.

БРАТЯ КОРЕНЬКОВЫ

(К ПРОЦЕССУ О БАНДИТСКОМ НАЛЕТЕ НА КАССУ ГОРН. АКАДЕМИИ)

Е. С.

Зарисовки П. С. СТАРОНОВОСА

1-Мая у комсомольцев Кореньковых

В коридорах Горной Академии пусто и празднично тихо. Даже швейцар нет в вестибюле на своем обычном месте. Чьи-то шаги колыхают непогодежный эхом; шаги множатся в коридорах и коридор, повторяются пугающе званы, комнатами, пролетая лестниц. Кажется, идет толпа, но их только двое. Вот они на лестнице в вестибюле. Андрей Кореньков, высокий, стройный юноша с тонким, красивым лицом, и Тимофей Смирнов—у него длинные, до колен, руки, вздвигая плечи, выдвигая объемную челюсть, девятая, нечеловарская речь. Из-под нахвостной лобной косы рабски-преданно глядят на Андрея маленькие звериные глаза. Это—слезное оружие в руках Андрея.

В вестибюле светло и парадно. Солнечный луч льется свет беготный пол, стены, потолок, выхватывая яркие пятна плаката.

Свешать некуда. Ничто не помешает. Можно курить и порезонерствовать. Слышавшая откупный кончик палосы.

На черной доске в швейцарской ключи от комат обожжания. Вот ключ от комнаты студента Гривава: там в незаметном ящике стола револьвер—наган, его нужно достать Андрею. Одного бывшего бранитца будет мало. Наган в кармане, в кармане, в кармане, в кармане, в кармане; никто не помешал, никто не видел. Вот

если бы сегодня... Но сегодня касса пуста; за этим следит брат Константин, студент Горной Академии. Он только вчера получил стипендию и знает, что в кассе денег больше нет.

«Мокрое» дело

Через неделю от брата Константина ветвь денгиты для раздачи стипендии в кассу Горной Академии получены.

Воскресенье. Надо торопиться, завтра будет уже поздно: «завтра ребята получат денгиты. Их трое: два Кореньковых и Смирнов. В комнате Андрея, как всегда, коньяк, хорошие папиросы. Попробую обсудить, назначили час, распределили роли. Слегка выпили. Захватили Костин браунинг и наган студента Горьева. Но прежде—обедать,—пошли в столовую. Пообедав, приступают к делу. Идут к кассе: касса заперта. Кассира в кассе нет, ключи у кассира,—надо достать ключи. Придется идти и класть. Со шпора можно высмотреть, что делается в квартире: кассир с женой обедает. Момент неподходящий: надо обожать. Пусть пообедают и лягут спать. Кстати, нужно себегать на кухню студенческой столовой, захватить нож. Становится ясно: дело обещает быть «мокрым»... Душат старуху, душат и режут горло кухонным ножом старуху Петрову, берут ключи, идут в кассу... И там, в шкафу, уже разложенные по конвертам взвешенные стипендии, их только сложить в пачечки и рассыпать по карманам.

Их трое на сканье подслушиваем—два Коренькова и Смирнов. Последний не поражает—он на своем месте: у него вырожденческая внешность, лицо преступника.

Но Кореньковы—их следует поговорить—это не совсем обычные преступники. Они комсомольцы, оба достаточно развиты и вполне ответственные за свое преступление. Посмотрим же, как жили, росли и складывались эти два юные бандита, из каких общих элементов, наблюдавшихся в известной хулиганствующей части нашего молодняка, растет так называемая «Кореньковщина».

Брат Константин. Из героического прошлого

В июле 25 г. студентка Горной Академии комсомольца Рива Давидсон, вторая жена Константина Коренькова, поконила жизнь самоубийством. Двумя партийными членами установлено, что Константин Кореньков был повинен в создании условий, послуживших причиной самоубийства Ривы Давидсон.

«Без черемухи»

Черемуха мешают заниматься. В комнате грязно и неуютно. На обоях следы давленных клопов, взбуждаемы испорченные постели. На

них щелыми днями лежат, сидят, курят. Запах несвежего, зашнорованного белья, окурок на полу, на столе, на кровати, их ни вымести, ни убраться: смыв табачный дым, многоголосая галда Костиных «браксов». Сапоги, брюки, подтяжки на столе, стуле, кровати, спинках,—и маленькая, душная радость букетик чермухи в стакане на столе, купленный Ривой ценою задриска.

Но чермуха мешает Костю, мешает заниматься.

Чермуха летит за окно...

В зале суда. За столом—
председатель, тов. Эралик.

Рива плачет. Ну и пусть себе, подумаешь, какие женщины.

Рива—дочь бухгалтера, но недоразумно в вузе и комсомоле: «жидовская пролаза».

А будет скудиль—выставлю за дверь. Выставляет и заперев дверь на ключ. Этот метод применяется Кореньковым очень часто, потому что Рива «мешает», вообще мешает.

— Я тебе в тысячный раз, Ривка, говорю, убираться к черту. Я тебя не люблю и не люблю. Тебя и любить нельзя: ты урод, «барбос», «крокодил». Вся «браксы» смеется надо мной. Ты—мешанка, ты мешаешь мне учиться и расти. Ты мне, как женщина, противна. Между нами нет и не может быть ничего общего.

«... а меж тем...»

Лечебница на Мясницкой. Кабинет врача-гинеколога. У врача холодно, недружелюбно блеснет пенсия. Бросает отрывисто, категорически:

— Ни в коем случае не разрешаю. За 8 месяцев третий аборт. Маложенство для первых неблагоприятно. Маложенцы, психостения, туберкулезная конституция—немислимо.

— Он встает и идет к двери за следующим по приему номером.

Девушка цепляется за белый халат, умоляет, плачет.

— Но поймите, доктор, же могу, же могу, не могу оставить... так хочет Костя. Это его свяжет. Костя не хочет ребенка...

Врач долго думает, нервно снимает и протирает пенсия полой халата.

— Ну, хорошо по предупреждаю—должно будет лечь в постель...

Это «семье» счастливые дни Константина Коренькова: жена в больнице. Не жить же ему, в самом деле, мотаться целый месяц или сколько ей там вздумается пролежать?.. Мало ль девчат?... Да, наконец, есть еще одна жена, с ней он развилась, но вот иногда все-таки тянет. Вот она идет: черноволосая, красиво подстриженная. Возбуждено разговаривает с товарищами. Глаза блестят и голос... Его он слышал много раз, а вот только сейчас заметил, как он красен, как он звучен. И вот всегда так: он ее бросил—надоела, а вот когда с ней ребята—досада.

Вот она в двух шагах, не смотрит, старается не смотреть—между ними все кончено:

— Сарра, на минуточку...

Останавливается, раздумывает, отвернувшись. Потом быстро вскидывает глаза:

— В чем дело?..

— Сарра, идем ко мне сегодня почепать...

Сарра смотрит, не мигая. Шире, шире открываются черные бездонные глаза. Ей странно—она силится понять.

— Как?.. Но, ведь, ты же живешь... с женой?..

Губы раз'ехались улыбой:

— Подумаешь—жена: всякая шпана...

И может быть по-своему понял вопрос Сарры, добавляет:

— Да ее и нет сейчас; она в больнице;] разаборталась...

Сарра все еще смотрит, не мигая, долго, долго...

Там, позад, была любовь. Где-то на два души еще живет: «Костя, мой Костя». Потом—боль разрыва... Но это ничто, все ничто перед тем, что она слышит... Гаснет взгляд и туслею, чуть слышно, скорей себе, чем ему, медленно говорит:

— Какой мерзавец...

— У Кости смеются глаза, губы и вот уж плечи трясутся откровенным циничным смехом:

— Подумаешь, ужости какие,—мещанство...

Короткий выстрел из Костиного револьвера—и «барбос», «крокодил», «урод», «шпана»—Рива Давидсон, уходит из Костиной жизни, уходит навсегда...

«Он не ласковый, но совет двух маток»

Далеко, за много верст от Москвы, в Донбассе, рудник «Макевка». Который труд в подземелье, без солнца, без света, без воздуха. Насквозь из «еленные ядовитым газом и мелкой черной пылью легкие, навсегда почерневшее

лицо. Немного нужно—нужно человека понять, человеческого отношения к шахтер? Нет... Но вот будет у нас скоро свой собственный инженер из шахтер: Константин

Кореньков. Пусть утисся в Горной Академии. И никто не смеет отклячиться от отчисления с заработка на стипендию Константина Коренькова.

Костя получает стипендию и учится. Академия его не торчит. Не успевает пережить пароса, остается еще на год. Учись—ты должен угнать тебя идет рудник «Макевка».

Но Костя рассуждает иначе. Деньги вылаются аккуратно: 35 рублей каждый месяц Академия не торчит. Комната в общежитии тепло, светло, сухо. Здесь же живет брат Андрей.

«Брат Андрей—шарень «на-ать»

— Парень «на-ать»,—так характеризует Андрей одна свидетельница.

И действительно, красивый парень: высокий, стройный, с смелым, умным взглядом голубых глаз, русая шевелюра. Он пьет только дорогие вина, курит дорогие папиросы, на машине имеет нарядный перстень. И он не спит эти перетины в карман, когда пойдет на работу: швейки, нет, он гордо скажет: «Ну что же, я три детаризируется, а мы будем меднаинженеры».

Он человек большого масштаба. Он стареет чертешком во Всеорос. Текстильщи. Сидит, получает 81 руб., но, ведь, это же гроши при его размахе. И комсомолу ему не идет наперекор. У него чертукез, ему необходимо летучка. Ему нужен санаторий, а его посылает в две отдала. К нему несправедливо. Он все сам и здоровье отдает работе. Вот только никак не может вспомнить ни одной книжки, которую прочел за годы пребывания в Москве.

И какая досада, что вот не доразли стирка кассира, и он погубил все... А, ведь, на очереди были две кассы ВТС, подробно обследованные Андреем... И еще смеют их же обвинять, даришнить, таскать в суд... Вот не покуда в душе хочу идти... а если и там музек—опять же, автомобиль,—говорит Кореньков Андрей, уже сидит за решеткой, как бандит и убийца.

Прокляур тов. Арсеньев сказал:

«Кореньковича» вырастает на почве империализма, понимая все задачи социалистического строительства. Мы строим новый быт, берем за новое отношение к женщине, проигнорированное социальным ужасением. «Кореньков» воспроизводит это самым упрощенным «лохавым» образом, как право естественно потратить чужую жизнь».

Мы живем в эпоху диктатуры пролетариата, ответственную для пролетариата, и каждый пролетарий, призванный в партию, должен знать: партия может взять у него все, даже жизнь, и дать ему ничего. «Кореньков» же партия и пролетарское происхождение практикует им «оверкири» привилегии, как право требовать от партии: «любай мне—а партия».

Партия и вся страна в величайшем напряжении занята хозяйственным строительством. Чтобы скорее овладеть всеми территориями сложнейших производственных отношений, чтоб был «хлебаем» в полном смысле слова, надо идти вперед, надо помочь рабочим учиться в вузах. «Кореньков» же приходит в вуз и своим своим правом парализовать за счет «оверкири» привилегии, три года получать стипендию и ничего не делать.

«Кореньков» несет с собой разрушение всей культуры, индивидуальности, неуважение к женщине и к человеку вообще. «Кореньковича»—объект не закон, и пролетарский суд ответит братьям «Кореньковым», вонимый представителями в идеологам «кореньковича», высшей мерой гражданской защиты, расстрелем.

Висники процесса (слева направо): Константин Кореньков, Смирнов и Андрей Кореньков.